

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК КУБАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА № 3 (17) 2025

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «КубГУ»), Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Главный редактор:

Потапенко Сергей Викторович, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета им. А.А. Хмырова, профессор кафедры гражданского процесса и международного права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Заместитель главного редактора:

Лунарев Евгений Борисович, доктор юридических наук, профессор, академик ЕААН, заместитель декана юридического факультета им. А.А. Хмырова по научной работе, заведующий кафедрой конституционного и административного права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Ответственный секретарь:

Горенко Максим Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Члены редакционного совета:

Адыгезалова Гюльназ Эльдаровна, доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Анисимов Алексей Павлович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и международного частного права, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Бочкарева Екатерина Александровна, доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой административного и финансового права, Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Краснодар, Россия

Буэно Жозе Геральдо Романелло, профессор гражданского права, Просветерианский университет Маккензи, г. Белу-Оризонти, Федеративная Республика Бразилия

Гладышева Ольга Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного процесса юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Гусев Алексей Васильевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики, Краснодарский университет МВД России, г. Краснодар, Россия

Добробаба Марина Борисовна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий, Московская государственная юридическая академия им. О.Е. Кутафина, г. Москва, Россия

Жеребцов Алексей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административной деятельности органов внутренних дел, Краснодарский университет МВД России, г. Краснодар, Россия

Жинкин Сергей Алексеевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Камышанский Владимир Павлович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права, Кубанский государственный аграрный университета им. И.Т. Трубилина, г. Краснодар, Россия

Киреева Елена Юрьевна, доктор юридических наук, профессор, декан факультета управления персоналом и государственной службы, заведующая кафедрой правового обеспечения государственной и муниципальной службы, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

Коняхин Владимир Павлович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Костенко Роман Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Лозовский Денис Николаевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики и правовой информатики юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Нудненко Лидия Алексеевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры правового обеспечения государственной и муниципальной службы, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

Позднышов Алексей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, Ростовский экономический университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Попова Юлия Александровна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского и административного судопроизводства, Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Краснодар, Россия

Прохоров Леонид Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Прохорова Марина Леонидовна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Руденко Александр Викторович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой криминалистики и правовой информатики юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Рыженков Анатолий Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса, Калмыцкий государственный университет, г. Элиста, Россия

Салимгерей Арон Аманжолович, кандидат юридических наук, доцент, директор, Институт государства и права Казахского национального университета им. аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

Семенцов Владимир Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Слесарев Владимир Львович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

Срето Ного, доктор права, профессор, Ассоциация международного уголовного права Республики Сербия, г. Белград, Республика Сербия

Старилов Юрий Николаевич, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой административного и административного процессуального права юридического факультета, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия

Шарифзода Файзали Рахмонали, доктор юридических наук, профессор, начальник Академии МВД Республики Таджикистан, генерал-майор милиции, Академия МВД Республики Таджикистан, г. Душанбе, Республика Таджикистан

Шитов Александр Николаевич, доктор юридических наук, доцент, профессор юридического факультета Чиангмайского университета Королевства Тайланд

Щенникова Лариса Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Издатель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «КубГУ»), Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Редакция не несет ответственности за информацию, опубликованную в рекламных объявлениях.

Редакция не всегда разделяет точку зрения авторов публикуемых материалов.

При использовании материалов ссылки на журнал «Юридический вестник Кубанского государственного университета» обязательны.

Условия использования материалов журнала: контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 20.04.2012 г.

Свидетельство о регистрации: ПИ №ФС 77-49493

ISSN: 2078-5836 (Print)

ISSN: 2782-5841 (Online)

Префикс DOI: 10.31429/20785836

Индексирование: журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук со 2 декабря 2019 г.

Журнал входит в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Цели и область: в журнал принимаются к опубликованию рукописи начинающих и опытных авторов, содержащие актуальные, новые и оригинальные результаты научных и прикладных исследований в различных сферах юридической науки, с целью их дальнейшего развития, решения актуальных проблем, взаимодействия ученых в России и других странах мира.

Журнал публикует основные результаты научно-исследовательской и научно-практической деятельности по области науки – Социальные и гуманитарные науки (группа научных специальностей – 5.1. Право; научные специальности: 5.1.1. – Теоретико-исторические правовые науки; 5.1.2. – Публично-правовые (государственно-правовые) науки; 5.1.3. – Частно-правовые (цивилистические) науки; 5.1.4. – Уголовно-правовые науки).

Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Сайт журнала: <http://urvkubsu.elpub.ru>

Адрес редакции: Рашпилевская ул., д. 43, г. Краснодар, Россия, 350000, тел.: 262-35-09, E-mail: fin@law.kubsu.ru

Отпечатано в издательско-полиграфическом центре КубГУ: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040.

Подписано в печать: 22.09.2025. Дата выхода в свет: 29.09.2025.

Усл. печ. л. 7. Тираж 100 экз. Заказ №

История издания журнала: издается с 2009 г.

Периодичность: выходит 4 раза в год.

Цена: свободная.

Возрастное ограничение: для лиц, старше 16 лет.

Обложка журнала зарегистрирована в качестве патента на промышленный образец Федеральной службой по интеллектуальной собственности 28.02.2024 RU № 140792

© «Юридический вестник Кубанского государственного университета», 2025.

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

<i>Берлизов М.П.</i> К вопросу о принципе «разрешено все, что не запрещено законом» в государственной охране объектов культурного наследия народов Российской Федерации	4
<i>Матыцин Д.Е., Балтутите И.В.</i> Основы правового регулирования закупок публичных образований, государственных, муниципальных заказов: социально-экономические вызовы	10

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

<i>Елисеева И.А.</i> Установление сервитута на земельный участок: актуальные проблемы правового регулирования	19
<i>Инишкова А.О.</i> Единый цифровой агропромышленный комплекс как стратегический ресурс аграрного бизнеса в Российской Федерации: основы правового обеспечения	24
<i>Конорезов Н.А.</i> Разумный срок как правовая категория: вопросы терминологического определения и содержательного наполнения	30

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Глимейда В.В.</i> Процессуальные аспекты применения искусственного интеллекта при осмотре информации в сети Интернет	35
<i>Иманов С.Г.</i> Уголовно-правовые институты противодействия угрозам национальной безопасности	40
<i>Костенко Р.В.</i> Перспективы математической формализации доказывания в российском уголовном судопроизводстве	46
<i>Никитин В.И.</i> Предмет доказывания и его оценка в отечественной доктрине уголовно-процессуального права	53
<i>Пономарев В.Е., Завьялов В.А.</i> Анализ методов экспертного исследования цифровых изображений	59
<i>Фонштейн А.И.</i> Уголовная ответственность информационных посредников за участие в обороте порнографических материалов или предметов	64

**ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ
(ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ**

Оригинальная статья

<https://doi.org/10.31429/20785836-17-3-4-9>

**К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПЕ «РАЗРЕШЕНО ВСЕ, ЧТО НЕ ЗАПРЕЩЕНО
ЗАКОНОМ» В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОХРАНЕ ОБЪЕКТОВ
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НАРОДОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Берлизов М.П.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Берлизов М.П. К вопросу о принципе «разрешено все, что не запрещено законом» в государственной охране объектов культурного наследия народов Российской Федерации. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2025;17(3):4–9. <https://doi.org/10.31429/20785836-17-3-4-9>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Берлизов Михаил Павлович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (861) 262-35-09

E-mail: bmpkk@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 18.08.2025

Статья принята к печати: 08.09.2025

Дата публикации: 29.09.2025

Аннотация: Целью работы выступает определение возможности применения принципа «разрешено все, что не запрещено» в государственной охране объектов культурного наследия народов РФ.

Исходя из поставленной цели, в задачи исследования входит анализ действующего законодательства о государственной охране объектов культурного наследия народов РФ на предмет использования данного принципа в настоящее время и возможность (целесообразность) его внедрения (расширения его применения) в будущем.

Важность обсуждения вопроса заключается в том, что исследуемый принцип в его противопоставлении принципу «запрещено все, что не разрешено» отрицается многими для сферы публичных правоотношений. Из-за этого, в правотворческой и правоприменительной деятельности возникают коллизии – гражданин и должностное лицо по-разному подходят к одной и той же проблеме в ее разрешении. В связи с этим, верное определение возможности применения рассматриваемого принципа – есть важнейшая составляющая всей концепции построения законодательства о государственной охране объектов культурного наследия народов РФ.

Принципиальный вывод статьи состоит в том, что действующее законодательство РФ в области государственной охраны объектов культурного наследия народов в 2024 году фактически закрепило принцип «разрешено все, что не запрещено законом» для регулирования отдельных правоотношений, что является новшеством для публично-правовой сферы. Дается обоснование необходимости такого изменения и в ряде смежных правоотношений рассматриваемой отрасли и, соответственно, дальнейшей корректировке действующего законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: принцип, государственная охрана, объект культурного наследия, административно-правовое регулирование, публичные правоотношения, разрешение, запрещение.

Введение

Важность обсуждения вопроса заключается в том, что государственная охрана объектов культурного наследия народов РФ относится к публично-правовой сфере, где основными применяемыми методами являются предписания и запреты. Вместе с тем, существует ряд ситуаций, когда нельзя предусмотреть исключительный перечень таковых, что приводит к необходимости применения широкого дозволения в виде формулы «разрешено все, что не запрещено». Однако, в случае возникновения коллизии между правоприменительным органом и гражданином возникает вопрос, можно ли обоим использовать указанный выше принцип (формулу) или государственный орган должен исходить из принципа «запрещено все, что не разрешено»? Ответ на этот вопрос, а также возможность изначально закладывать данный принцип в законодательство, устанавливающее отдельные механизмы государственной охраны рассматриваемой сферы, может поставить точку в этом вопросе, а, главное, существенно облегчить правоприменительную и судебную практику.

Методы исследования

Исследование проблематики определяет методологию исследования, включающую в себя использование эвристических и аксиологических методов исследования, наряду с методом системного анализа правовых, управленческих и естественнонаучных явлений в контексте избранной темы.

Результаты исследования

Существующие теоретические воззрения, подкрепленные сложившейся правоприменительной и судебной практикой, предусматривают возможность применения принципа «разрешено все, что не запрещено законом» только для гражданских (договорных, экономических) правоотношений. Вместе с тем, объективная реальность и существующая проблематика в государственном регулировании отдельных институтов государственной охраны объектов культурного наследия в РФ создала предпосылки для распространения и закрепления данного принципа и в публично-правовой сфере, что до сих пор отрицалось. В 2024 году произошло изменение действующего законодательства РФ в сфере зон охраны объектов культурного наследия, которое дает основание говорить о закреплении рассматриваемого принципа, как уже свершившемся факте. Указанный опыт проанализирован и признан положительным. Предложено распространить данный опыт на ряд других институтов государственной охраны объектов культурного наследия, имеющих сходную проблематику и пути ее разрешения. Указанное является частным проявлением диспозитивного метода в государственном управлении и не означает повсеместное отрицание принципа «запрещено все, что не разрешено» для публично-правовой сферы.

Научная дискуссия

Статья 33 Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»¹ (далее – Закон об ОКН) предусматривает перечень того, что входит в государственную охрану объектов культурного наследия (далее – ГО ОКН). В частности, в этом перечне содержатся такие механизмы, как разработка и утверждение границ территорий ОКН и режимов использования, занятых ими земельных участков (а для достопримечательных мест (вид ОКН) – требований к осуществлению деятельности и требований к градостроительным регламентам в границах их территории); разработка и утверждение границ зон охраны объектов культурного наследия, ограничений использования занятых ими земельных участков и водных объектов, а также требований к градостроительным регламентам в границах таких зон охраны.

Так, если вкратце охарактеризовать суть всего механизма охранных зон, то она заключается в том, что в целях обеспечения сохранности (физической, визуальной) ОКН вокруг него устанавливается определенная зона, где предусматриваются различные ограничения для всех физических и юридических лиц, связанные с их хозяйственной деятельностью. Указанные ограничения накладываются на земельные участки, водные объекты, а также здания, строения и сооружения внутри таких зон охраны (являются ЗОУИТ и вносятся в ЕГРН).

27 декабря 2024 года было принято постановление Правительства РФ № 1936 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 12 сентября 2015 г. № 972»², которым, фактически, было принято новое Положение о зонах охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. Указанное Положение уже является

¹ Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 26. Ст. 2519; 2023. № 43. Ст. 7606.

² О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 12 сентября 2015 г. № 972: постановление Правительства РФ от 27.12.2024 № 1936 // Собрание законодательства РФ. 2024. № 53 (ч. II). Ст. 8749.

третьим вариантом с момента принятия Закона об ОКН. Связано это, в первую очередь, с постоянно меняющимся земельным и градостроительным законодательством РФ. Примечательность данного Положения заключается в том, что оно, хотя, как и прежние, содержит в себе пункты 9-11, перечисляющие возможные ограничения использования земельных участков, но и впервые содержит прямой запрет на установление иных ограничений, не предусмотренных указанными выше пунктами (п. 12 Положения). Это стало следствием аналогичных изменений в Земельном кодексе РФ, регламентирующем правила установления ЗОУИТ [7]. То есть, теперь перечень возможных ограничений в зонах охраны формально определен. Это значит, что проектировщики, разрабатывающие проекты зон охраны, а также государственные органы, уполномоченные утверждать границы таких зон охраны, теперь должны в своих актах давать четкий перечень только лишь ограничений (запретов). Казалось бы – все логично и понятно, какая здесь может быть проблема?

Однако, начиная с 2008 года (принятия первого Положения о зонах охраны¹) и до 1 марта 2025 года (вступления в силу нового рассматриваемого Положения) все нормативные правовые акты органов государственной власти, уполномоченных в сфере ГО ОКН, содержали не только запреты, но и разрешения. Отдельный раздел содержал перечень тех действий, которые разрешаются (перечень «закрытый») и тех действий, которые были запрещены (естественно также «закрытый»)².

Как следствие, зачастую образовывались ситуации, когда гражданин или организация обращались в уполномоченный государственный орган с заявлением о совершении действий, которые не входили ни в один из указанных перечней. Например, просили согласовать размещение нестационарного объекта торговли в то время, как разрешения и запреты касались лишь объектов капитального строительства; или согласовывали материалы и цветовое решение фасада, когда они не оговорены нигде; или просили установить новый вид разрешенного использования земельного участка, которого нет ни в запретах, ни в разрешениях и т.д. В этой связи государственный орган и заявитель (гражданин/организация) становились в прямо противоположные позиции. Заявитель, ссылаясь на общегражданский принцип «разрешено все, что не запрещено», просил разрешить; государственный орган, исходя из принципа «запрещено все, что не разрешено» - отказывал. Все это приводило либо к судебным спорам либо к изменению (принятию нового) соответствующего правового акта. А учитывая, что изменение правового акта, как правило, может быть лишь на основании переделанной (новой) проектной документации, то это влекло существенные временные и финансовые расходы.

Судебные процессы также длительны по времени. Кроме того, судье приходится сталкиваться именно с этим же вопросом, что приводит его к желанию найти более формальный повод для обоснования принятия решения (нарушение сроков, процедуры, свое толкование испрашиваемого и пр.).

О принципе «разрешено все, что не запрещено» писал еще Ш.Л. Монтескье в своем трактате «О Духе законов», где указывал, что свободой считается все, что не запрещено законом [6]. После чего данный принцип нашел свое закрепление в п. 5 Декларации прав человека и гражданина 1789 г. В Российской Федерации, по мнению Н.И. Матузова и А.В. Малько, данный принцип начал активно развиваться лишь после перестройки³. К.Д. Крупин считает, что на сегодняшний день, данный принцип «может быть формально выведен из ст. 35 Конституции РФ и ст. 421 ГК РФ, однако применим лишь к

¹ Об утверждении Положения о зонах охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 26.04.2008 № 315 (утратило силу с 25.09.2015 на основании постановления Правительства РФ от 12.09.2015 № 972) // Собрание законодательства РФ. 2008. № 18. Ст. 2053.

² См. напр.: Об утверждении границ и режима использования территории, а также зон охраны и требований к градостроительным регламентам в границах территорий указанных зон объекта культурного наследия регионального значения «Дом жилой», Краснодарский край, Динской район, ст-ца Динская, ул. Садовая, 2: приказ администрации Краснодарского края от 29.03.2019 № 40-кн [сайт]. Официальный сайт Администрации Краснодарского края; 2025 [обновлено 29 марта 2019; процитировано 17 августа 2025]. Доступно: <http://admkrain.krasnodar.ru>; Об установлении зон охраны объекта культурного наследия федерального значения (ансамбля) «Мемориальный комплекс «Сурб-Хач», связанный с жизнью деятелей армянской культуры М. Налбандяна, Р. Патканяна, А. Аламдаряна» и утверждении особых режимов использования земель и требований к градостроительным регламентам в границах территорий данных зон: постановление Правительства Ростовской области от 28.10.2024 № 748 [сайт]. Официальный сайт Правительства Ростовской области; 2025 [обновлено 28 октября 2024; процитировано 17 августа 2025]. Доступно: <https://www.donland.ru/documents/20308/>.

³ Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузов и А.В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2001. С. 776.

гражданским (экономическим, договорным) правоотношениям» [4]. Такую трактовку он дает, в частности, на основе анализа определения Верховного Суда РФ от 26 августа 2016 г. № 18-КГ16-9 [4]. Бычков А., анализируя судебную практику, делает вывод, что: «постулат "разрешено все, что не запрещено законом" выводится судами из толкования общих начал и смысла гражданского законодательства РФ (ст. 1 ГК РФ), а также пределов возможного поведения участников гражданского оборота (ст. 9 ГК РФ). Указанный принцип означает возможность определять свои действия по собственному усмотрению во всех случаях, когда правила поведения прямо не предписаны законом, соотносясь при этом с требованиями добросовестности и разумности и не выходя за пределы осуществления гражданских прав» [3].

В противовес вышеуказанному принципу выделяется также постулат «запрещено все, что не разрешено». Многие авторы относят данный принцип к публично-правовой сфере, чем проводят границу водораздела между указанными принципами.

Так, старший английский судья сэра Джон Лоус озвучил соотношение этих принципов следующим образом: «Для отдельного гражданина всё, что не запрещено, разрешено; но для государственных органов, и в особенности для правительства, всё, что не разрешено, запрещено» [11].

Широко известна позиция судьи Конституционного Суда РФ В.О. Лучина, сформированная им в особом мнении к Постановлению КС РФ от 31 июля 1995 г. № 10-П¹, где он говорит о недопустимости распространения принципа «разрешено все, что не запрещено законом» на сферу действия публичной власти.

Также в судебной практике имеются различные акты, которые свидетельствуют об этом же. Для нашего вопроса особое значение представляет интерес постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 27 декабря 2002 г. по делу № КА-А41/8429-02², в котором указывается на неприменимость данного принципа к земельным отношениям. Учитывая появление ст. 104–107 в Земельном кодексе РФ³, представляется, что указанная позиция устарела и не является актуальной.

К аналогичной позиции можно прийти и, если рассматривать взаимоотношения граждан и организаций, с одной стороны, и уполномоченного государственного органа, с другой стороны, как часть разрешительных правоотношений. Когда заявитель обращается в государственный орган для получения официального одобрения (согласия/разрешения) на совершение каких-то действий в зоне охраны ОКН, а государственный орган, руководствуясь правовыми актами, регламентирующими их возможные действия в этой ситуации, вынужден дать ответ. При этом, исходя из смысла и содержания термина «компетенция», государственный орган (должностное лицо) не может разрешить (сделать) то, что не предусмотрено нормой права [10].

В этой связи появление в Положении о зонах охраны ОКН вышеуказанного п. 12, а также соответствующее разъяснение его применения Министерством культуры РФ (дано на специальном вебинаре), фактически стало признанием и закреплением принципа «разрешено все, что не запрещено». Теперь перечень ограничений и требований к градостроительным регламентам в границах территорий зон охраны ОКН устанавливается только в виде запретов, без отдельного указания списка

¹ По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 2137 «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики», Указа Президента Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 2166 «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта», Постановления Правительства Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 1360 «Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности, прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа», Указа Президента Российской Федерации от 2 ноября 1993 г. № 1833 «Об Основных положениях военной доктрины Российской Федерации»: Постановление Конституционного Суда РФ от 31.07.1995 № 10-П // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 27.12.2002 № КА-А41/8429-02. Суд признал недействительным постановление местной администрации в части бесплатного выделения земельного участка в собственность юридического лица, поскольку законодательство, действовавшее в спорный период, не предусматривало возможности бесплатной передачи земель в собственность юридических лиц, не относящихся к сельскохозяйственным предприятиям // Доступ из СПС «Гарант».

³ Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 44. Ст. 4147, 4148; 2018. № 32 (ч. II). Ст. 5135.

разрешений¹. Все это стало следствием критики и неоднократно высказывавшихся мнений о необходимости реформирования правового регулирования института зон охраны [2], в том числе, в целях обеспечения правовой определенности в процессе осуществления градостроительной деятельности [1]. Учитывая сложившуюся правоприменительную практику это является логичным и позитивным изменением.

Вместе с тем, прежний подход остается при разработке и утверждении требований к осуществлению деятельности (режимам использования территории) в границах территории ОКН и особым режимам использования земельного участка, водного объекта или его части, в границах которых располагается объект археологического наследия.

Ст. 5.1 Закона об ОКН перечисляет как запрещенные, так и разрешенные действия в границах территорий объектов культурного наследия. При этом данные перечни указаны как исчерпывающие, однако, далеко неполные и не всегда отвечают реальной ситуации в виду многообразия и индивидуализации требований к каждому из них, что не раз подчеркивалось различными исследователями [5]. Внесение в правовой акт уполномоченного государственного органа положения, разрешающего что-либо, что продиктовано объективной реальностью, но прямо не указано в статье закона, вызывает вопросы правомерности. Например, в заключении судебной историко-культурной, строительной экспертизы № 14-24/СК от 26 января 2025 г. по уголовному делу № 12402030078000255² экспертами, на вопрос о соответствии приказа администрации Краснодарского края об утверждении границ территории и зон охраны ОКН действующему законодательству РФ, в качестве одного из аргументов неправомерности указано на включение в разрешенные действия положения, не предусмотренного ст. 5.1 Закона об ОКН. При этом, разрешенным действием являлись строительные работы по воссозданию и реконструкции на объекте культурного наследия – т.е. фактически работы по его сохранению, предусмотренные ст. 45 Закона об ОКН, просто изложенные в иной формулировке.

Аналогичная ситуация наблюдается и при установлении требований к градостроительным регламентам в границах территорий достопримечательных мест, а также для территорий исторических поселений. В Краснодарском крае ежегодно вносятся изменения в соответствующие приказы администрации Краснодарского края по таким историческим поселениям, как г. Краснодар, г. Сочи, г. Анапа, г. Ейск, г. Армавир. Связаны они как раз с устранением пробелов между разрешениями и запретами³. Естественно, Краснодарский край не является в этом плане уникальным и аналогичную проблематику отмечают исследователи и для иных регионов [8, 9]. Представляется, что ее устранение также возможно посредством проведения изменений законодательства по тому же принципу, что и для зон охраны ОКН.

Список использованной литературы:

1. Башарин А.В. О некоторых аспектах влияния законодательства об охране объектов культурного наследия на осуществление градостроительной деятельности. Комментарий к апелляционному определению судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 13.03.2019 г. № 2-апа19-1. *Имущественные отношения в РФ*. 2021;(235(4)):99–110.
2. Белов С.А. Правовая природа зон охраны объектов культурного наследия. *Вестник национального исследовательского института культурного наследия*. 2024;(1):61–73.
3. Бычков А. Разрешено все, что не запрещено. *«Эж-Юрист»*. 2012;(3):15–17.
4. Крупин К.Д. Разрешено все, что не запрещено законом как постулат гражданского права. *Право и управление*. 2004;(4):72–75.
5. Никифоров А.А. Зоны охраны объектов культурного наследия – правовой институт сохранения исторической среды памятника истории и культуры. *Культура: управление, экономика, право*. 2014;(3):3–11.
6. Хамидулла Д.Р., Адела И.К. «УЧЕНИЕ С.МОНТЕСКЬЕ «О ДУХЕ ЗАКОНОВ»». *Академические исследования в области образовательных наук*. 2023;(5):384–388.

¹ См. напр.: Об установлении зон охраны, утверждении режимов использования земель и требований к градостроительным регламентам в границах территорий данных зон объекта культурного наследия регионального значения «Форт Раевский», 11 сентября 1839 г. – 16 мая 1855 г., Краснодарский край, г. Новороссийск, ст-ца Раевская, 1,5 км к северу от восточной окраины станицы: приказ администрации Краснодарского края от 26.03.2025 № 415-кн [сайт]. Официальный сайт Администрации Краснодарского края; 2025 [обновлено 26 марта 2025; процитировано 17 августа 2025]. Доступно: <http://admkrain.krasnodar.ru>.

² Материалы уголовного дела № 12402030078000255. Находится на рассмотрении в Октябрьском районном суде г. Краснодара.

³ Для сведения: по Краснодару с 2019 года внесены изменения 4 раза (и еще 1 раз в стадии подготовки); по Армавиру с 2019 года – 2 раза; по Ейску с 2020 года – 2 раза; по Анапе с 2019 года – 1 раз (и еще 1 в стадии подготовки).

7. Шишова О.П. Стандартизация особых режимов использования земель и требований к градостроительным регламентам в границах территорий зон охраны объектов культурного наследия. *Вестник национального исследовательского института культурного наследия*. 2024;(1):38–59.

8. Шишова О.П. Особенности градостроительного регулирования территорий общего пользования, сопряженных с объектами культурного наследия. *Вестник национального исследовательского института культурного наследия*. 2024;(4):9–20.

9. Щенков А.С. Охранный регламент территорий общего пользования малых исторических городов. *АМИТ*. 2019;(4):87–97.

10. Эмих В.В. Понятие компетенции государственного органа в современном российском праве. *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*. 2010;(10):378–393.

11. Laws John. The Rule of Law: The Presumption of Liberty and Justice. *Judicial Review*. 2017;(22(4)):365–373. DOI: 10.1080/10854681.2017.1407068.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Берлизов Михаил Павлович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

ORCID 0000-0002-7959-9460

Оригинальная статья

<https://doi.org/10.31429/20785836-17-3-10-18>

ОСНОВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАКУПОК ПУБЛИЧНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ, ГОСУДАРСТВЕННЫХ, МУНИЦИПАЛЬНЫХ ЗАКАЗОВ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ

Матыцин Д.Е.*, Балтутите И.В.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Матыцин Д.Е., Балтутите И.В. Основы правового регулирования закупок публичных образований, государственных, муниципальных заказов: социально-экономические вызовы. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2025;17(3):10–18. <https://doi.org/10.31429/20785836-17-3-10-18>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Матыцин Денис Евгеньевич*, доктор юридических наук, кандидат экономических наук, профессор кафедры предпринимательского и международного частного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: + 7 (904) 774-53-82

E-mail: dmatytsin@yandex.ru; u938om@yandex.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 08.08.2025

Статья принята к печати: 05.09.2025

Дата публикации: 29.09.2025

Аннотация: Правовое регулирование закупок для государственных и муниципальных нужд в России представляет собой сложную систему норм, направленных на обеспечение прозрачности, конкуренции и эффективного использования бюджетных средств. Эта система развивалась с 1990-х годов, когда переход к рыночной экономике потребовал создания механизмов для справедливого распределения государственных заказов. Сегодня регулирование включает федеральные законы, постановления и рекомендации, адаптированные к вызовам, таким как санкции, цифровизация и необходимость импортозамещения. Основная цель – минимизировать коррупционные риски, обеспечить рациональное расходование ресурсов и поддержать отечественных производителей, что особенно актуально в условиях экономической нестабильности. Регулирование закупок направлено на баланс интересов государства, поставщиков и общества, способствуя реализации социальных и экономических задач.

В данной статье проводится детальный анализ законодательных основ и проблем правового регулирования в сфере контрактной системы в рамках государственных и муниципальных закупок товаров, работ и услуг. Особое внимание уделяется ключевым изменениям в нормативно-правовых актах, которые способствуют эффективному регулированию отношений в сфере государственных закупок. Предложены рекомендации по совершенствованию системы государственных закупок.

Ключевые слова: контрактная система, государственные закупки, государственный контракт, государственные и муниципальные нужды, контракт на выполнение работ, Единая информационная система в сфере закупок, коррупция, цифровизация.

Введение

Контрактная система является результатом длительного поиска оптимальной организационно-правовой формы обеспечения государственных и муниципальных нужд. За последние три десятилетия были реализованы реформы, которые предусматривали концептуальное изменение подходов к

правовому регулированию обеспечения государственных и муниципальных нужд: «государственные закупки» – «государственный заказ» – «контрактная система». В основе представленного описания лежит система внутренних противоречий, которая формирует суть и динамику развития контрактной системы в России.

По мнению заместителя министра финансов А.М. Лаврова: «Этап больших изменений в закупочном законодательстве закончился. Контрактная система функционирует устойчиво, и можно уверенно говорить о том, что были приняты правильные решения. В 2025 году мы перешли к качественно новому уровню контрактной системы. Формально переход к полной цифровизации завершится уже в следующем году. Осталось автоматизировать единичные позиции, и задача будет решена», – подчеркнул Алексей Лавров.

Методы исследования

При изучении современного состояния и проблем правового регулирования контрактной системы закупок, использовались общенаучные и специальные методы научного познания (метод системного подхода, диалектический, индуктивный, дедуктивный, прогностический, анализ и синтез, и частнонаучные методы, такие как формально-юридический, метод юридического толкования).

Результаты исследования

Правовое регулирование закупок публичных образований, государственных и муниципальных закупок решает операционные задачи, но порождает новые вызовы. Проблемы коррупции и низкой квалификации указывают на необходимость имплементации и адаптации. Правовая система регулирования государственных и муниципальных закупок продолжает развиваться в направлении усиления поддержки отечественных производителей, цифровой трансформации процессов, повышения прозрачности и контроля, противодействия коррупционным и антиконкурентным практикам. Будущие оптимизационные изменения не должны сводиться к точечным правкам, упрощениям и гуманизации интерфейсов цифровых систем, образования всех участников контрактной системы, ужесточению условий применения неконкурентных способов закупки и внедрению эффективных механизмов антикоррупционного контроля. Необходим баланс, при котором правовая регламентация будет приводить к добросовестной конкуренции и обеспечивать эффективность и экономность использования бюджетного рубля.

В процессе исследования выявлено, что значимой проблемой остаются коррупционные риски на каждом этапе закупочного процесса от формирования заказа до исполнения контракта. Немаловажным вопросом является осуществление закупок по завышенной цене, вследствие ограничения числа участников закупки. Недостаточно развит уровень государственного контроля за функционированием системы государственных закупок. Неполноценная цифровизация в регионах усложняет мониторинг: не все заказчики эффективно используют Единую информационную систему в сфере закупок, что приводит к ошибкам. Климатические риски, отраженные в стратегии низкоуглеродного развития 2021 года, требуют закупок экологических товаров, но их доля остается ничтожной маленькой. Концентрация заказов у крупных поставщиков снижает доступ малого бизнеса, несмотря на квоты, прописанные в законодательстве. Коррупция остается системной проблемой: ежегодно часть проводимых закупок бывают признаны недействительными из-за взяточничества. Проблемы требуют комплексного подхода, включая обучение специалистов, упрощение процедур и усиление контроля. Проанализированы перспективы дальнейшего развития системы государственных закупок.

Научная дискуссия

Законодательство Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд основывается на положениях Конституции Российской Федерации, Гражданского кодекса Российской Федерации, Бюджетного кодекса Российской Федерации и состоит из Федерального закона от 05 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» и других федеральных законов и подзаконных актов, регулирующих отношения, направленные на обеспечение государственных и муниципальных нужд в целях повышения эффективности, результативности осуществления закупок товаров, работ, услуг, обеспечения гласности и прозрачности осуществления таких закупок, предотвращения коррупции и других злоупотреблений в сфере таких закупок.

Современная контрактная система в сфере госзакупок представляет собой результат эволюции, прошедшей этапы от хаоса 1990-х к строгой регламентации (Федеральный закон № 94-ФЗ от 21 июля 2005 г. «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для

государственных или муниципальных нужд»¹) и далее к регулированию всего жизненного цикла закупки (Федеральный закон № 44-ФЗ от 5 апреля 2013 г. «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»²). «Данная система существует в состоянии перманентного напряжения между идеальными целями и суровой практикой, между наследием прошлого и вызовами настоящего» [3, с. 36].

Возникает противоречие между высшими, стратегическими целями системы, носящими идеализированный характер, и механизмами правового регулирования, призванными эти цели воплотить в жизнь. Конституция Российской Федерации в своей статье 8 провозглашает и гарантирует единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержку конкуренции и свободу экономической деятельности. Воплощается этот возвышенный принцип на практике через регламентированную, бюрократически насыщенную систему согласно Федеральному закону № 44-ФЗ. Свобода экономической деятельности достигается через тотальную стандартизацию, унификацию и установление единых для всех железных правил игры.

Декларируется миссия стимулирования экономического развития и предоставления бизнесу «дополнительного импульса к развитию» в условиях честной конкуренции. Этой масштабной цели противопоставлен главный и доминирующий инструмент выбора поставщика, закреплённый в законодательстве – критерий наименьшей цены контракта. В результате система, призванная развивать национальную экономику и поощрять инновации, на операционном уровне вынуждена в большинстве случаев руководствоваться принципом сиюминутной экономии бюджетных средств. В этой ситуации выигрывает участник, который готов предложить минимальную цену, иногда в ущерб всем остальным параметрам.

Основой Федерального закона № 94-ФЗ и действующего № 44-ФЗ провозглашается обеспечение гласности, прозрачности и предотвращение коррупции и других злоупотреблений. Для достижения этой благой цели аппарат контроля предполагает невероятно высокую степень подотчетности, колоссальный объем документооборота, необходимость публикации огромных массивов данных в Единой информационной системе (ЕИС), многоуровневые проверки. Однако аппарат порождает административную нагрузку на самих заказчиков и потенциальных поставщиков. Стремление к максимальной прозрачности и очищению процедур противопоставлено операционной эффективности и скорости осуществления закупок. Чрезмерная бюрократия сама по себе может становиться тормозом экономического развития и источником новых системных рисков.

Этот дуализм идеалов и практики является прямым следствием исторического пути, который прошла система государственных закупок, представляет собой череду радикальных отрицаний предыдущих недостатков. Возник правовой вакуум 1990-х годов, когда первые нормативные акты – Указ Президента РСФСР от 16 декабря 1993 г. № 2143 «О праздновании 50-летия со дня полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады»³ и Постановление Совета Министров РСФСР от 23 октября 1991 г. № 558 «Об организации материально-технического обеспечения народного хозяйства РСФСР в 1992 году»⁴ попытались создать новую систему материально-технического обеспечения на обломках распределительной системы. Тогда система договорных отношений не смогла учесть агентскую проблему, когда от имени государства-собственника действует его представитель, чье финансовое положение слабо зависит от эффективности закупок и который может действовать в своих собственных интересах. Этот период правовой неполноты и неопределенности отрицается с принятием Федерального закона № 94-ФЗ, который противопоставил хаосу – строгий порядок и произволу – унифицированные конкурентные процедуры и официальный сайт.

Недостатком такой системы является регулирование лишь стадии размещения заказа при полном игнорировании стадий планирования и исполнения контракта. Это регулирование негативно сказывается на общей эффективности государственных контрактов. Современный Федеральный закон

¹ О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных или муниципальных нужд: Федеральный закон от 21.07.2005 № 94-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2005. № 30 (часть I). Ст. 3105.

² О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон от 5.04.2013 № 44-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.

³ Об организации материально-технического обеспечения народного хозяйства РСФСР в 1992 году: Постановление Совета Министров РСФСР от 23.10.1991 № 558 // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 51. Ст. 4946.

⁴ Об организации материально-технического обеспечения народного хозяйства РСФСР в 1992 году: Постановление Совета Министров РСФСР от 23.10.1991 № 558 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

№ 44-ФЗ противопоставил фрагментарности жизненный цикл закупки: от многолетнего планирования и формирования планов-графиков до исполнения, мониторинга, аудита и контроля результатов. Несоответствие Федерального закона № 94-ФЗ иным нормативным актам и порождаяемая этим необходимость постоянного толкования его норм на практике противопоставляется созданию массива подзаконных актов (свыше 110 Постановлений Правительства РФ и актов федеральных органов исполнительной власти), которые пытаются исключить неоднозначное толкование норм законодательства.

В настоящее время существует идеальная модель, когда государство выигрывает от повышения эффективности и экономии бюджетных средств, коммерческие структуры получают честный доступ к ресурсам и импульс для развития. Общество извлекает выгоду из этих факторов через реализацию масштабных национальных проектов. В этой идеальной модели постоянно противопоставляется ряд практических вызовов. В 90-е годы интерес должностного лица, наделенного полномочиями принимать решения, может в любой момент вступить в конфликт с интересами учреждения и государства-собственника. В основе Федерального закона № 44-ФЗ находится его тотальная прозрачность, обязательность электронных аукционов, публичность всех этапов в ЕИС и создание разветвленной системы контрольных органов.

Как отмечается в Федеральном законе от 05 апреля 2013 г. № 44-ФЗ контракт понимается как гражданско-правовой договор, предметом которого является поставка товаров, выполнение работ, оказание услуг (в том числе приобретение недвижимости или аренда имущества), в котором заказчиком от имени Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, муниципального образования является государственный или муниципальный орган, а также бюджетное учреждение.

Проанализировав систему отношений в сфере закупок товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд, можно выделить следующие специфические особенности данных отношений¹:

- 1) обязательное участие в качестве стороны в отношениях государства – Российской Федерации или субъекта Российской Федерации;
- 2) целевой направленностью является удовлетворение государственных и муниципальных нужд;
- 3) особый источник финансирования – федеральный (муниципальный) бюджет.

Заключение контракта является промежуточным этапом и ключевым звеном в правоотношениях между заказчиками и лицами, вступающими с ними в отношения, именно по этой причине следует определить правовую природу самого контракта.

Увеличивающееся количество сделок, их растущая финансовая емкость не соответствуют способности системы управления закупками, ее человеческого и технологического капитала обеспечить их одинаково высокое качество, прозрачность, эффективность и соответствие стратегическим целям. Рост порождает колоссальную административную нагрузку, риски формализации процедур. Система государственных и муниципальных закупок предстает как динамичный и развивающийся механизм в состоянии перманентного и неустраняемого балансирования между свободой и регламентом, экономией и развитием, стратегическими национальными интересами.

В Федеральном законе № 44-ФЗ законодатель заложил основу всей системы, сформулировал ее принципы стратегического планирования, исполнения контракта и последующего аудита. Создание единой информационной системы было призвано стать основой закупочного процесса и обеспечивать неоспоримую открытость и равный доступ. Планирование должно соответствовать обоснованному определению поставщика, которое должно было завершиться заключением эффективного контракта, за исполнением которого бы непрерывно следили мониторинг и контроль. Учет рисков, присущих работе с бюджетными средствами, законодатель встроил в конструкцию закона. Специальные антикоррупционные механизмы нейтрализовали потенциальные злоупотребления.

Дальнейшая модернизация закона была направлена на приближение реальности к этому идеалу. Полный перевод закупок в электронную форму стал технической реализацией принципа прозрачности и превратил закупку в публичное действие, доступное для наблюдения из любой точки страны. Новая модель финансового обеспечения имела дифференцирование обеспечения заявки, электронные банковские гарантии и специальные счета [4, с. 133]. Модель отражала баланс между защитой государственных интересов от недобросовестных участников и снижением административно-

¹ Пахомова Л.М. Управление государственными (муниципальными) закупками: правовой аспект и механизм реализации: учеб. пособие; Пермский государственный национальный исследовательский университет. Пермь, 2022. С. 46.

финансовой нагрузки на добросовестных поставщиков. Функционирование аккредитованных электронных площадок и стандартизация информации через официальный каталог товаров, работ и услуг предопределили создание унифицированного и контролируемого пространства для честной конкуренции.

Однако заложенные в законе антикоррупционные механизмы натолкнулись на изощренную и постоянно эволюционирующую коррупцию [7, с. 988]. Коррупционеры находили лазейки в самых продуманных нормах и приводили к сговорам, необоснованному ограничению конкуренции и неэффективному освоению бюджетных средств, прямому неисполнению заключенных контрактов.

Принцип всеобщей конкурентности систематически подрывается двумя основными способами. Искусственное сужение круга участников еще на этапе планирования и описания объекта закупки происходит через составление избыточно специфических и заточенных под единственного исполнителя технических заданий. Законодательная конструкция предусматривает возможность закупки у единственного поставщика (статья 93 Федерального закона № 44-ФЗ). «Она стала массово использоваться как рутинная процедура и выводить закупки из конкурентной среды» [1, с. 181].

Единая информационная система не дала абсолютной прозрачности и стала источником проблем. Ее интерфейс и постоянно меняющиеся требования к форматам и способам размещения информации создают значительные административные барьеры для небольших организаций и новичков в сфере закупок. ЕИС становится фактором, ограничивающим прозрачность, так как ошибки при размещении сведений искажают или делают неполной различную информацию. Заказчики и поставщики плохо понимают работу со специальными счетами, получение электронных банковских гарантий, корректное формирование документации для сложных объектов закупки. В результате нововведениями потенциальные пользователи просто не могут грамотно воспользоваться.

Правовое регулирование закупок для публичных образований, государственных и муниципальных заказчиков, основано на нормах Федерального закона № 44-ФЗ. Этот закон устанавливает основы планирования, проведения закупок, определения поставщиков, заключения и исполнения контрактов, а также мониторинга, аудита и контроля в данной сфере.

В 2025 году в закупочное законодательство внесены поправки, которые станут ориентиром повышения эффективности закупочной деятельности, а также помогут в решении проблемных моментов в регламентации закупочного процесса.

Так, национальный режим с 1 января 2025 года претерпел изменения в сторону унификации правил для заказчиков по Федеральным законам № 44-ФЗ и № 223-ФЗ от 18 июля 2011 г. «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц»¹. Ранее действовал разрозненный массив нормативных актов. Теперь Постановление Правительства РФ от 23 декабря 2024 г. № 1875 «О мерах по предоставлению национального режима при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» устанавливает единые механизмы применения национального режима. К ним относятся запрет на закупку отдельных иностранных товаров (для оборонного заказа или продукции из специального перечня, включая около 150 категорий), ограничение допуска по принципу «второй лишней» (при наличии хотя бы одной заявки с товаром из РФ или ЕАЭС, соответствующей требованиям, все заявки с иностранными товарами отклоняются) и предоставление преимуществ российским товарам в виде 15% ценовой преференции при ранжировании заявок. Для закупок по 223-ФЗ теперь применяются те же правила, что и по 44-ФЗ. Товары из стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС) приравниваются к российским. Также установлены исключения из действия национального режима для закупок силовых ведомств, в случаях отсутствия производства в России (требуется разрешение Минпромторга), закупок запчастей для совместимости с имеющимся оборудованием или при встречных инвестиционных обязательствах.

С 1 января 2025 года заказчики обязаны при описании объекта закупки товаров, подпадающих под национальный режим, использовать характеристики товаров российского происхождения. При обосновании начальной максимальной цены контракта (НМЦК) заказчики должны основываться на рыночных ценах российских аналогов. С 2025 года введена новая ежегодная отчетность для заказчиков по 44-ФЗ и 223-ФЗ об объеме закупок у российских производителей, которая должна размещаться в Единой информационной системе.

С 1 января 2025 года поэтапно вводится обязательное заключение цифровых контрактов через ЕИС (за исключением некоторых случаев по пп. 4, 5, 23, 42, 44 и 46 ч. 1 ст. 93 Закона № 44-ФЗ, для

¹ О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц: Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 30 (часть I). Ст. 4571.

которых это станет обязательным с 1 июля 2026 года). С 1 апреля 2025 года все соглашения к контрактам, заключенным по результатам конкурентных процедур, должны оформляться в структурированном виде через ЕИС. В реестре контрактов отражается информация о прекращении контрактов (в связи с истечением срока, ликвидацией поставщика или заказчика, смертью поставщика-физического лица).

Для заказчиков по № 223-ФЗ с 2025 года введен запрет на закупку и использование иностранного программного обеспечения на объектах критической информационной инфраструктуры, к которым относятся организации здравоохранения, науки, атомной, оборонной промышленности, энергетики и др. «Обновлен перечень заказчиков по 223-ФЗ, обязанных согласовывать планы закупок у субъектов малого и среднего предпринимательства» [3, с. 272].

В сфере контроля и надзора ожидается усиление борьбы с антиконкурентными соглашениями. С 1 августа 2025 года вступает в силу Федеральный закон от 24 июня 2025 г. № 182-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции», который создает государственную информационную систему «Антикартель» (ГИС Антикартель) для автоматического сбора и анализа данных о закупках, участниках и рыночных показателях для выявления картельных сговоров с использованием технологий машинного обучения. С 1 января 2026 года вступают в силу поправки (Федеральный закон от 07 июня 2025 г. № 138-ФЗ «О внесении изменений в статьи 31 и 43 Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»), ужесточающие ответственность за предоставление недостоверных сведений в заявках и расширяющие полномочия заказчиков по отказу от заключения контракта с таким участником.

Правовое регулирование включает особые режимы для новых территорий РФ (ДНР, ЛНР, Запорожская и Херсонская области), где до конца 2025 года действует специальный порядок проведения закупок по 44-ФЗ в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 31 декабря 2022 г. № 2559 «О мерах по обеспечению режима военного положения и об особенностях планирования и осуществления закупок для обеспечения государственных нужд Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области и муниципальных нужд муниципальных образований, находящихся на их территориях, и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации». Сохраняются особенности для закупок в оборонной сфере, для закрытых закупок и для закупок у единственного поставщика при несостоявшихся конкурентных процедурах.

Правовое регулирование ЕИС осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ, который устанавливает требования к созданию, функционированию и использованию системы. Заказчики обязаны размещать в ЕИС планы закупок, планы-графики, информацию о проведении закупок, извещения о проведении закупок, документацию о закупках, проекты контрактов, сведения об исполнении контрактов и иную информацию.

Правовые основы применения электронной подписи установлены Федеральным законом от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи». Усиленная квалифицированная электронная подпись признается равнозначной собственноручной подписи и используется для подписания документов, обеспечения юридической значимости электронных документов и защиты их от подделки.

Для обеспечения совместимости и взаимодействия ЕИС с региональными и муниципальными информационными системами в сфере закупок установлены единые требования к созданию и функционированию таких систем, а также правила формирования уникального идентификационного кода закупки, который используется для идентификации закупок в ЕИС, обеспечения систематизации информации о закупках и определения каждой закупки.

Правовое регулирование национального режима и импортозамещения в сфере государственных и муниципальных закупок представляет собой систему мер, направленных на защиту внутреннего рынка и поддержку отечественных товаропроизводителей. Основу этой системы составляет статья 14 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ, которая предоставляет Правительству Российской Федерации право устанавливать запреты и ограничения на допуск товаров, происходящих из иностранных государств, работ, услуг, выполняемых иностранными лицами, предоставлять преференции для товаров российского происхождения.

В соответствии со статьей 14 Закона № 44-ФЗ Правительством Российской Федерации принят целый ряд постановлений, устанавливающих ограничительные меры в отношении различных категорий товаров. Устанавливается абсолютный запрет на допуск товаров иностранного происхождения для целей обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Ограничения в области информационных технологий установлены Постановлением Правительства от 16 ноября 2015 г. № 1236 «Об установлении запрета на допуск иностранного программного обеспечения при закупках для государственных и муниципальных нужд», которое вводит запрет на допуск программного обеспечения иностранного происхождения.

При установлении запрета на допуск иностранных товаров заявки, содержащие предложения о поставке таких товаров, подлежат обязательному отклонению, а заключение контрактов с единственным поставщиком на поставку запрещенной продукции не допускается. В случае установления ограничений допуска все заявки с предложениями об иностранных товарах отклоняются при наличии хотя бы одной заявки с предложением о российском товаре. «Предоставление преференций российским товарам выражается в установлении 15% ценового преимущества при оценке заявок» [4, с. 98].

Для подтверждения страны происхождения товаров используются документы, включающие реестровые записи из специализированных реестров промышленной продукции, декларации о стране происхождения, акты экспертиз Торгово-промышленной палаты и сертификаты происхождения формы СТ-1 [8, с. 193]. Торгово-промышленной палатой Российской Федерации разработан и утвержден целый ряд нормативных документов, регламентирующих порядок выдачи сертификатов о происхождении товаров и проведения экспертиз для различных категорий продукции.

Система национального режима предусматривает исключительные случаи, когда допускается закупка иностранных товаров. Министерством промышленности и торговли Российской Федерации утвержден порядок выдачи заключений об отсутствии производства соответствующих товаров на территории России. В сфере программного обеспечения Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций разработан и внедрен классификатор программ для электронных вычислительных машин и баз данных, определен порядок ведения реестра российского программного обеспечения.

Правовое регулирование описания объекта закупки в соответствии со статьей 33 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ обеспечивает точное определение предмета закупки. Описание объекта закупки должно носить объективный характер и основываться на функциональных, технических и качественных характеристиках, эксплуатационных показателях товара, работы, услуги. Описание не должно содержать требований или указаний в отношении товарных знаков, знаков обслуживания, фирменных наименований, патентов, полезных моделей, промышленных образцов, наименований мест происхождения товара или наименований производителей, за исключением случаев, когда иным способом невозможно точно описать характеристики объекта закупки, с обязательным указанием слов «или эквивалент».

Регулирование закупок лекарственных средств осуществляется в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 28 ноября 2013 г. № 1086 «Об утверждении Правил формирования перечня лекарственных средств, закупка которых осуществляется в соответствии с их торговыми наименованиями», утверждающим Правила формирования перечня лекарственных средств, закупка которых осуществляется в соответствии с их торговыми наименованиями. Данный нормативный акт устанавливает специальные правила для случаев, когда закупка лекарственных препаратов проводится по торговым наименованиям. Требования к закупке лекарственных средств содержатся в Постановлении Правительства Российской Федерации от 17 октября 2013 г. № 929 «О предотвращении необоснованного укрупнения лотов при размещении заказов на поставку лекарственных средств», которое устанавливает предельное значение начальной (максимальной) цены контракта, при превышении которого не могут быть предметом одного контракта лекарственные средства с различными международными непатентованными наименованиями.

«Вопросы энергоэффективности в сфере закупок регулируются Федеральным законом от 23 ноября 2009 г. № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [6, с. 42]. Правила установления требований энергетической эффективности при осуществлении закупок для государственных и муниципальных нужд утверждены Постановлением Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2009 г. № 1221 «Об утверждении Правил установления требований энергетической эффективности товаров, работ, услуг при осуществлении закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Особое внимание уделяется энергосервисным контрактам, требования к которым и особенности определения начальной цены установлены Постановлением Правительства Российской Федерации от 18 августа 2010 г. № 636 «О требованиях к условиям

энергосервисного договора (контракта) и об особенностях определения начальной (максимальной) цены энергосервисного договора (контракта) (цены лота)».

Требования к участникам закупки устанавливаются в соответствии с частью 2 статьи 31 Закона № 44-ФЗ. При этом определяются случаи, когда к участникам закупки могут предъявляться требования в связи с технической и технологической сложностью, инновационным, высокотехнологичным или специализированным характером товаров, работ, услуг.

Институт реестра недобросовестных поставщиков регулируется положениями части 1.1 статьи 31 и статьи 104 Закона № 44-ФЗ. Ведение реестра осуществляется федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным на осуществление контроля в сфере закупок, и содержит информацию об участниках закупки, уклонившихся от заключения контрактов.

Система преференций в сфере закупок установлена статьями 27-30 Закона № 44-ФЗ и включает предоставление преимуществ учреждениям и предприятиям уголовно-исполнительной системы, организациям инвалидов, субъектам малого и среднего предпринимательства. Правовой основой поддержки малого и среднего предпринимательства является Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации». Особое значение имеет Постановление Правительства Российской Федерации от 23 декабря 2016 г. № 1466 «Об утверждении типовых условий контрактов, предусматривающих привлечение к исполнению контрактов субподрядчиков, соисполнителей из числа субъектов малого предпринимательства, социально ориентированных некоммерческих организаций», утверждающее типовые условия контрактов, предусматривающих привлечение к исполнению контрактов субподрядчиков, соисполнителей из числа субъектов малого предпринимательства и социально ориентированных некоммерческих организаций.

Перспективы развития регулирования закупок связаны с цифровизацией и интеграцией принципов устойчивого развития (ESG-принципов). Сейчас человечество стоит на пороге новой цифровой реальности, когда искусственный интеллект способен не только управлять и руководить различными процессами (технологическими, научными и другим в различных сферах экономики), но и способен оказывать влияние как на самого человека, так и экономические процессы [9, с. 3]. Внедрение искусственного интеллекта для анализа предложений может сократить время торгов на 30%, выявляя аномалии в ценах в реальном времени¹. Блокчейн обеспечит неизменность данных в ЕИС, повышая прозрачность и снижая коррупционные риски. Усиление ESG-принципов в закупках, включая приоритет зеленых технологий, соответствует Климатической доктрине 2023 года, которая ставит цель углеродной нейтральности к 2060 году [10, с. 353]. Например, закупки энергоэффективного оборудования могут вырасти на 20% при введении налоговых льгот.

Интеграция с рынками ЕАЭС расширит доступ поставщиков, увеличивая конкуренцию. Обучение специалистов по 44-ФЗ, включая курсы по цифровизации, решит проблему дефицита кадров. Государственная поддержка через субсидии для малого бизнеса повысит их участие. Унификация стандартов ESG-отчетности для закупок привлечет инвестиции, как в случае с зелеными облигациями. Внедрение автоматизированных систем контроля поможет снизить нарушения.

Дополнительные перспективы связаны с развитием региональных закупок, где цифровизация может сократить бюрократию. Например, автоматизация запросов котировок ускорит малые закупки, составляющие 30% всех процедур. Поддержка отечественных производителей через национальный режим усилит импортозамещение, особенно в IT и машиностроении. Внедрение блокчейна для фиксации контрактов повысит надежность. Данные меры однозначно приведут к повышению эффективности и устойчивости системы закупок.

Таким образом, современное состояние правового регулирования государственных и муниципальных закупок характеризуется развивающейся нормативной базой, основанной на Федеральных законах № 44-ФЗ и 223-ФЗ. Система движется в сторону большей цифровизации, защиты внутреннего рынка и ужесточения контроля.

Список использованной литературы:

1. Байыр-оол Т.А. Понятие и правовое регулирование государственных и муниципальных закупок в Российской Федерации. *Оригинальные исследования*. 2024;(14(3)):181–184.
2. Валеева З.М. Правовое регулирование заключения, изменения и расторжения контракта в сфере государственных закупок. *Студенческий*. 2023;(251(39-6)):35–38.

¹ ИИ в управлении цепочками поставок [сайт]. Future Hub; 2025 [обновлено 25 февраля 2025; процитировано 20 июля 2025]. Доступно: <https://media.future-hub.io/stati/ii-v-upravlenii-tsepochkami-postavok?ysclid=mfzt0rr4mu189446271>.

3. Галин И.М. Общая характеристика правового регулирования государственных закупок. *Правовая система и вызовы современности: материалы XX Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (Уфа, 14–16 декабря 2023 г.)*. Уфа; 2023.
4. Дончевская Л.В., Кузин Н.Н., Шкварок В.М. Нормативно-правовое регулирование некоторых аспектов в сфере закупок. *International Law Journal*. 2024;(7(3)):98–103.
5. Матыцин Д.Е., Балтутите И.В. Обеспечение исполнения государственных и муниципальных контрактов: банковские гарантии и цифровые технологии. *Евразийский юридический журнал*. 2020;(150(11)):133–136.
6. Решетняк С.Р. Особенности правового регулирования закупок как сложной гражданско-правовой сделки. *Вестник экспертного совета*. 2022;(31(4)):40–50.
7. Elena I. Inshakova, Agnessa O. Inshakova and Larisa A. Kochetova. Digital transformation of the EAEU economies: the impact on trade development and integration prospects. *Lecture Notes in Networks and Systems*. 2020;(155):987–997.
8. Ershova I.V., Inshakova A.O., Deryugina T.V., Matytsin D.E. Investing in Digital Rights Using Investment Platforms: Peculiarities of Legal Relations. In: Inshakova A., Matytsin D., Inshakova E. (eds) Remote Investment Transactions in the Digital Age. *Intelligent Systems Reference Library*. 2024;(250):193–203. DOI: 10.1007/978-3-03151536-1_18.
9. Inshakova A.O., Deryugina T.V., Matytsin D.E., Kochetkova S.Y. Asilomar Principles for the Development and Use of Artificial Intelligence in the IT Sector of the Economy. In: Inshakova, A., Matytsin, D., Baltutite, I. (eds) LegalTech and Legal-AI in Business. *Intelligent Systems Reference Library*. 2025;(276):3–13. DOI: 10.1007/978-3-031-93474-2_1.
10. Inshakova A.O., Kviciniya N.V., Kamishansky V.P., Matytsin D.E. Prospects for the Development of Artificial Intelligence Algorithms and Digital Law in the Field of Renewable Energy Sources. In: Inshakova, A., Matytsin, D., Baltutite, I. (eds) LegalTech and Legal-AI in Business. *Intelligent Systems Reference Library*. 2025;(276):353–363. DOI: 10.1007/978-3-031-93474-2_31.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Матыцин Денис Евгеньевич

доктор юридических наук, кандидат экономических наук, профессор кафедры предпринимательского и международного частного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

ORCID: 0000-0002-4038-4032

Балтутите Иоланта Видмантовна

кандидат юридических наук, доцент, научный сотрудник ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

ORCID 0000-0001-5443-2157

**ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ
(ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ**

Оригинальная статья

<https://doi.org/10.31429/20785836-17-3-19-23>

**УСТАНОВЛЕНИЕ СЕРВИТУТА НА ЗЕМЕЛЬНЫЙ УЧАСТОК:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**

Елисеева И.А.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Елисеева И.А. Установление сервитута на земельный участок: актуальные проблемы правового регулирования. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2025;17(3):19–23. <https://doi.org/10.31429/20785836-17-3-19-23>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Елисеева Инга Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (918) 320-44-16

E-mail: inucia@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 04.08.2025

Статья принята к печати: 03.09.2025

Дата публикации: 29.09.2025

Аннотация: *Целями* настоящей статьи является исследование особенностей правового регулирования установления сервитутов на земельные участки в Российской Федерации, поскольку законодательство в данной сфере периодически меняется, но далеко от совершенства.

Для достижения указанных целей в качестве *задач* представляется необходимым изучить российскую научную доктрину о сервитутах и основаниях их возникновения, действующее российское законодательство, провести сравнительный анализ различных точек зрения в данной области, дать рекомендации по совершенствованию законодательного регулирования.

Цель и задачи работы определили *методологию* настоящего исследования, в основу которой положен ряд методов, в частности: сравнительно-правовой, формально-логический, диалектический метод познания общественных явлений и процессов.

В результате проведенного исследования автором сформулирован ряд выводов, а также некоторые рекомендации относительно совершенствования российского законодательства в указанной сфере. В частности, необходимо закрепить перечень земельных сервитутов в Земельном кодексе РФ и озаглавить данную статью «Виды земельных сервитутов». Данный перечень должен стать наиболее полным и исчерпывающим.

Кроме того, предлагаем исключить из п. 1 ст. 39.24 ЗК РФ, разрешающего заключать соглашение об установлении сервитута в отношении земельного участка, находящегося в публичной собственности, землепользователю или арендатору земельного участка без письменного согласия уполномоченного органа, ограничение по сроку договора аренды (более чем один год), распространив это право на краткосрочные договоры аренды или безвозмездного пользования земельным участком.

Рекомендуем изложить п. 7. Ст. 23 ЗК РФ в следующей редакции: «Сервитут может быть срочным или постоянным. В случае установления срочного сервитута его срок определяется соглашением сторон. Срок сервитута в отношении земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, определяется с учетом ограничений, предусмотренных п. 4 ст. 39.24 настоящего Кодекса».

Поддерживаем предложение о введении обязательного нотариального удостоверения договора о сервитуте, так как подобная форма договора позволит гражданам и юридическим лицам более эффективно защищать свои права и законные интересы в области использования соседних земельных участков.

Ключевые слова: земельный участок, сервитуты, частный сервитут, публичный сервитут, основания возникновения сервитута, соглашение о сервитуте.

Введение

Как отмечается в юридической литературе, сервитуты появились ещё в Древнем Риме, в римском праве, где предусматривалась возможность пользования чужой вещью. «По существу, земельный сервитут можно считать самым старым правом на чужую вещь»¹. В то время существовали следующие сервитуты: прохода через чужой соседний участок, прогона скота, провоза груженных повозок, отвода воды с соседнего участка и другие. Также предоставлялась возможность собирать падающие с соседнего участка желуди или собственник обязывался совершить действия, чтобы тень его деревьев не причиняла вред соседнему участку [2, с. 88]. Буквально данный термин означал рабство вещи», «её служение» [1, с. 88].

В настоящее время установление сервитута, его содержание и другие общественные сервитутные отношения на земельный участок регулирует Гражданский кодекс Российской Федерации² (далее – ГК РФ) (глава 17), а также Земельный кодекс Российской Федерации³ (далее – ЗК РФ), ст. 23. Глава V.3 ЗК РФ регламентирует особенности установления сервитутов в отношении земельных участков, находящихся в публичной собственности, а глава V.7 – установление публичного сервитута в отдельных целях. Законодательство о сервитутах периодически меняется, да и цивилистическая наука не стоит на месте: вопросы о сервитутах относятся к числу наиболее дискуссионных. На основании изложенного, тема настоящего исследования не теряет своей актуальности.

Методы исследования

Поставленные в настоящей статье задачи предполагают использование следующих методов научного познания: сравнительно-правового, формально-логического, диалектического.

Результаты исследования

В результате проведенного исследования формулируются предложения о внесении в российское законодательство следующих полезных изменений:

1. Необходимо закрепить перечень земельных сервитутов в ЗК РФ и озаглавить данную статью «Виды земельных сервитутов». Данный перечень должен стать наиболее полным и исчерпывающим.

2. Предлагаем исключить из п. 1 ст. 39.24 ЗК РФ, разрешающего заключать соглашение об установлении сервитута в отношении земельного участка, находящегося в публичной собственности, землепользователю или арендатору земельного участка без письменного согласия уполномоченного органа, ограничение по сроку договора аренды (более чем один год), распространив это право на краткосрочные договоры аренды или безвозмездного пользования земельным участком.

3. Изложить п. 7. Ст. 23 ЗК РФ в следующей редакции: «Сервитут может быть срочным или постоянным. В случае установления срочного сервитута его срок определяется соглашением сторон. Срок сервитута в отношении земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, определяется с учетом ограничений, предусмотренных п. 4 ст. 39.24 настоящего Кодекса.

4. Ввести обязательное нотариальное удостоверение договора о сервитуте, так как подобная форма договора позволит гражданам и юридическим лицам более эффективно защищать свои права и законные интересы в области использования соседних земельных участков.

Научная дискуссия

Надо заметить, что четкого понятия сервитута в отечественной цивилистике и законодательстве не установлено. В ГК РФ сервитутные отношения регулируются всего лишь несколькими правовыми нормами, чего явно недостаточно. Основной статьей, регламентирующей

¹ Щенникова Л.В. Вещное право: учеб. пособие. М.: Юрист, 2006. С. 119.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

сервитут, является ст. 274 ГК РФ. Она предусматривает следующее легальное определение сервитута: собственник недвижимого имущества (земельного участка, другой недвижимости) вправе требовать от собственника соседнего земельного участка, а в необходимых случаях и от собственника другого земельного участка (соседнего участка) предоставления права ограниченного пользования соседним участком (сервитута). Итак, возникает вывод, что сервитут – это ограниченное вещное право, позволяющее его обладателю пользоваться чужим земельным участком.

В настоящее время единый полный перечень земельных сервитутов в законодательстве отсутствует, что вносит неясность в их систему. По нашему мнению, необходимо закрепить перечень земельных сервитутов в Земельном кодексе РФ и озаглавить данную статью «Виды земельных сервитутов». Данный перечень должен стать наиболее полным и исчерпывающим.

В российском законодательстве существует классификация сервитутов на публичные и частные (ст. 23 ЗК РФ).

Публичный сервитут – это сервитут, который устанавливается на земельный участок на основании решения исполнительного органа государственной власти или органа местного самоуправления. Подобный сервитут направлен на обеспечение государственных или муниципальных нужд или нужд местного населения без изъятия этого земельного участка. Так, публичный сервитут устанавливается в следующих целях: прохода или проезда через земельный участок, размещения на земельном участке межевых знаков, геодезических пунктов государственных геодезических сетей, проведения дренажных работ и т.п. (п. 4 ст. 23 ЗК РФ).

Отличительной особенностью публичного сервитута является его, как правило, безвозмездный характер. Собственник участка, обремененного публичным сервитутом, имеет право потребовать соразмерную плату от органа государственной власти или местного самоуправления, установивших сервитут, только в случае, когда его установление приводит к существенным затруднениям в использовании земельного участка (п. 13 ст. 23 ЗК РФ). Наличие таких существенных затруднений в использовании участка может повлечь трудности в доказывании.

Обоснованность выделения публичного сервитута в качестве одного из видов сервитутов вызывает споры в отечественной цивилистике. Так, ряд авторов полагает, что нормы о сервитутах не могут применяться по отношению к публичным сервитутам. Например, Е.А. Суханов пишет: «... к числу весьма неудачных новелл можно также отнести закрепление п. 2 ст. 23 ЗК «публичного сервитута», устанавливаемого к тому же непременно «с учетом результатов общественных слушаний» (о порядке проведения которых Кодекс традиционно умалчивает). В ст. 262 ГК РФ говорится о земельных участках общего пользования и о возможности свободного доступа на чужой земельный участок. Такого рода правила, известные еще римскому частному праву, в цивилистической теории всегда рассматривались как ограничение прав собственника (в общественных, публичных интересах), а не как установление чьего-то (причем неизвестно, кого именно, т. е. бессубъектного!) субъективного права» [7, с. 53].

Представляется, что участие в дискуссиях об обоснованности выделения публичных сервитутов достойно отдельной публикации, поэтому в рамках данной научной статьи мы остановимся именно на актуальных проблемах правового регулирования частных сервитутов.

Частный сервитут – это сервитут, который устанавливается на основании соглашения между собственником обременяемого земельного участка и лицом, требующим установления сервитута. Ученые единодушны в том, что одним из необходимых условий установления частного земельного сервитута является отсутствие возможности осуществления собственником земельного участка или иными лицами в случаях, предусмотренных федеральными законами, своих правомочий по использованию земельного участка без установления сервитута в отношении соседнего участка, принадлежащего иному лицу на праве собственности [5, с. 64].

Судебная практика тоже это констатирует (п. 7 Обзора судебной практики по делам об установлении сервитута на земельный участок, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 26 апреля 2017 г.)¹.

Так, арбитражный суд Краснодарского края, рассмотрев спор по иску ООО «ОРАС» к ОАО «Краснодарское предприятие промышленного железнодорожного транспорта» об установлении сервитута в отношении земельного участка ответчика для использования земельного участка и находящихся на нем объектов недвижимости, принадлежащих истцу на праве собственности, отказал в иске, поскольку судебная экспертиза, назначенная определением суда от 17 мая 2024 г., пришла

¹ Обзор судебной практики по делам об установлении сервитута на земельный участок (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2017) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

к заключению, что к указанному земельному участку имеются альтернативные способы доступа, кроме как через соседний земельный участок¹.

Сторонами соглашения об установлении частного сервитута являются, как правило, собственники соседних земельных участков. Однако предусмотрена возможность установления сервитута в интересах и по требованию лица, которому участок предоставлен на праве пожизненного наследуемого владения или праве постоянного (бессрочного) пользования, и иных лиц в случаях, предусмотренных федеральными законами (п. 4 ст. 274 ГК РФ). Пункт 6 ст. 274 ГК РФ дополнил перечень субъектов, которые могут быть сторонами соглашения о сервитуте, лицом, требующим установления сервитута, и лицом, которому предоставлен земельный участок, находящийся в публичной собственности, если это допускается земельным законодательством. Согласно п. 1 ст. 39.24 ЗК РФ, соглашение об установлении сервитута в отношении земельного участка, находящегося в публичной собственности, имеет право заключать землепользователь, землевладелец, арендатор земельного участка в случае, если находящийся в публичной собственности земельный участок предоставлен в постоянное (бессрочное) пользование, пожизненное наследуемое владение, в аренду или безвозмездное пользование на срок более чем один год. Таким образом, круг лиц, имеющих право выступать сторонами соглашения о сервитуте в отношении земельного участка, находящегося в публичной собственности, широк. Ст. 39.24 п. 2 ЗК РФ также определяет случаи, когда требуется согласие в письменной форме федерального органа исполнительной власти, исполнительного органа субъекта РФ, органа местного самоуправления. По общему правилу, такое согласие не требуется, если п. 1 ст. 39.24 ЗК РФ или договором аренды либо безвозмездного пользования не предусмотрено иное.

Специалисты справедливо обращают внимание на неясность положения п. 1 ст. 39.24 ЗК РФ о том, что соглашение об установлении сервитута заключает землепользователь или арендатор земельного участка без согласия публичного собственника участка лишь в случае, если договор аренды заключен на срок не более чем один год. Непонятно, как быть, если договор заключен на меньший срок? Кто тогда будет стороной соглашения – публичный собственник земельного участка или он тогда должен дать свое письменное согласие? Почему при длительных сроках аренды публичный собственник доверяет арендатору заключение соглашения о сервитуте, а при краткосрочной аренде оставляет это право за собой? [4, с. 92–93]. Поддерживаем точку зрения, согласно которой следует исключить формулировку «на срок более чем один год» из п. 1 ст. 39.24 ЗК РФ, ведь публичный собственник, исходя из возможности закрепления в договоре аренды или безвозмездного пользования требования о получении его согласия на заключение договора о сервитуте в любых случаях при любых сроках пользования земельным участком, всегда может контролировать действия землепользователей [4, с. 93].

Соглашение об установлении сервитута должно содержать следующие положения: сведения о сторонах соглашения, индивидуализирующие признаки земельного участка, обременяемого сервитутом, важнейшие из которых – кадастровый номер и площадь, цели установления сервитута, права и обязанности сторон, соразмерную плату за пользование земельным участком.

В юридической литературе справедливо обращается внимание: сторонам соглашения о сервитуте целесообразно указать, в отношении какой части земельного участка будет действовать обременение в виде сервитута, т.е. определить сферу его действия [6, с. 31–35; 5, с. 65].

Размер платы за сервитут также относится к существенным условиям соглашения об установлении сервитута. В соответствии с п. 5 ст. 274 ГК РФ такая плата за пользование земельным участком, обремененным сервитутом, должна быть соразмерной. При определении её соразмерности рекомендуется учитывать характер, интенсивность и сроки пользования чужим земельным участком сервитутарием, использование или неиспользование земельного участка (его части) самим собственником обремененной недвижимости, степень испытываемых им неудобств, ограничения, которые могут повлиять на способность распоряжаться земельным участком, обремененным сервитутом [3, с. 11–13; 8, с. 59].

Если между сторонами возникает спор об установлении платы за сервитут, то ответ на этот вопрос помогает найти судебная экспертиза, по итогам которой можно определить точный размер такой платы.

Так, арбитражный суд Краснодарского края, рассмотрев исковое заявление ООО «Позитрон» к ООО «АГРОХИ.М» об установлении сервитута на земельный участок, поскольку сторонами

¹ Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 14.10.2024 № А32-А32-54226/2022 [сайт]. Судебные и нормативные акты РФ; 2025 [обновлено 14 октября 2024; процитировано 11 июля 2025]. Доступно: <https://sudact.ru/arbitral/doc/AeXgH7SHwIR>.

предлагались разные условия установления сервитута и размера платы за него, в целях соблюдения баланса интересов сторон спора, чтобы не только оптимально обеспечить нужды истца, но исключить существенные неудобства для ответчика, определением от 17 января 2023 г. назначил судебную экспертизу. Перед экспертом был, в частности, поставлен вопрос об определении готовой стоимости сервитута, в результате чего она была рассчитана в размере 7 171 р.¹

В соответствии с п. 7 ст. 23 ЗК РФ срок сервитута устанавливается по соглашению сторон. Между тем, сервитут как вещное право может быть и бессрочным, постоянным. Представляется, что срочный сервитут целесообразно предусматривать, когда необходимость использования земельного участка ограничена временными рамками (например, сервитутарий получает право забора воды с соседнего земельного участка до тех пор, пока не пробурит скважину на своем земельном участке). Если такой срочной необходимости в установлении сервитута на земельный участок нет, то он признается постоянным. В связи с этим, предлагаем изложить п. 7. Ст. 23 ЗК РФ в следующей редакции: «Сервитут может быть срочным или постоянным. В случае установления срочного сервитута его срок определяется соглашением сторон. Срок сервитута в отношении земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, определяется с учетом ограничений, предусмотренных п. 4 ст. 39.24 настоящего Кодекса».

Некоторые вопросы вызывает форма соглашения об установлении сервитута, ведь действующее законодательство никаких специальных норм по этому поводу не содержит. Специалисты сходятся во мнении, что такое соглашение должно заключаться в простой письменной форме в связи с необходимостью государственной регистрации сервитута в порядке, установленном для регистрации прав на недвижимое имущество (п. 3 ст. 274 ГК РФ)² [5, с. 65; 4, с. 93].

Л.В. Щенникова предлагает ввести обязательное нотариальное удостоверение договора о сервитуте, мотивируя тем, что такая форма позволит гражданам более эффективно защищать свои права и законные интересы в данной сфере [9, с. 36]. Представляется, что реализация подобного предложения окажется полезной, позволит повысить эффективность защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц в области использования соседних земельных участков.

Таким образом, правовое регулирование сервитутных отношений в Российской Федерации по-прежнему нуждается в совершенствовании.

Список использованной литературы:

1. Воронова Е.А., Тедорадзе И.А. Анализ законодательства по ограниченному пользованию (сервитуту) земельным участком. *Стратегические решения и риск-менеджмент*. 2011;(64(1)):88–92.
2. Липски С.А. Земельные сервитуты в отечественном законодательстве: проблемы и перспективы. *Имущественные отношения в РФ*. 2015;(162(3)):88–95.
3. Малеина М.Н. Плата за частный сервитут: определение размера, порядка изменения, последствия неуплаты. *Гражданское право*. 2013;(5):11–13.
4. Мирошникова Н.Г. Договор как основание возникновения частного земельного сервитута. *Труды Института государства и права Российской академии наук*. 2015;(1):92–93.
5. Рыжих И.В. Правовое регулирование установления частного земельного сервитута. *Вестник Московского университета МВД России*. 2015;(4):64–67.
6. Старова Е.В. Правовое регулирование установление сервитута соглашением сторон. *Экологическое право*. 2011;(6):31–35.
7. Суханов Е.А. Вещные права в новом Земельном кодексе РФ. *Экологическое право*. 2003;(1):50–54.
8. Филина В.А., Нахратов В.В. Частные проблемы правового регулирования установления сервитута на земельный участок. *Аграрное и земельное право*. 2023;(228(12)):58–59.
9. Щенникова Л.В. Сервитуты в России: законодательство и судебная практика. *Законодательство*. 2002;(5):30–38.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Елисеева Инга Александровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6092-4489>

¹ Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 21.10.2024 г. № А32-43527/2022 [сайт]. Судебные и нормативные акты РФ; 2025 [обновлено 21 октября 2024; процитировано 12 июля 2025]. Доступно: <https://sudact.ru/arbitral/doc/i1TnF8iidgLL/>.

² Солодова Я.С. Обязательства из договора об установлении сервитута: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2010. С. 8.

Оригинальная статья

<https://doi.org/10.31429/20785836-17-3-24-29>

ЕДИНЫЙ ЦИФРОВОЙ АГРОПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ РЕСУРС АГРАРНОГО БИЗНЕСА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОСНОВЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Иншакова А.О.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040);
ФГКОУ ВО «Волгоградская академия МВД Российской Федерации»
(Историческая ул., д. 130, г. Волгоград, Россия, 400075);
ФГБУ «Российская академия наук»
(Ленинский пр-кт, д.14, г. Москва, Россия, 119071)

Ссылка для цитирования: Иншакова А.О. Единый цифровой агропромышленный комплекс как стратегический ресурс аграрного бизнеса в Российской Федерации: основы правового обеспечения. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2025;17(3):24–29. <https://doi.org/10.31429/20785836-17-3-24-29>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Иншакова Агнесса Олеговна, профессор кафедры предпринимательского и международного частного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», профессор кафедры предварительного расследования учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел ФГКОУ ВО «Волгоградская академия МВД Российской Федерации», эксперт Российской академии наук

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: + 7 (988) 988-44-44

E-mail: ainshakova@list.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 25-28-00269 «Умное» сельское хозяйство и LegalTech в агропромышленном комплексе: правовая модель «Агро 4.0» в условиях устойчивого развития».

Статья поступила в редакцию: 08.08.2025

Статья принята к печати: 05.09.2025

Дата публикации: 29.09.2025

Аннотация: В статье исследуется потенциал создания единого цифрового агропромышленного комплекса (далее – ЕЦАПК) как стратегического инструмента для достижения целей развития аграрной сферы в Российской Федерации. Анализируются актуальные проблемы российской аграрной промышленности, связанные с неэффективностью управления, недостаточным использованием современных технологий и как следствием низкой производительностью труда. Статья демонстрирует, как создание ЕЦАПК, объединяющего все звенья сельскохозяйственного производства, от выращивания и сбора урожая до переработки и реализации продукции, может способствовать решению этих проблем.

Доктринальными источниками в процессе исследования формирования единого цифрового АПК выступили работы авторов, посвященные проблемам цифровизации АПК в России, а также содержащие научную дискуссию по основным вопросам, связанным с отсутствием единого стандарта данных. В ходе подготовки научной статьи были изучены и проанализированы причины нерешительности аграриев в отношении внедрения новых технологий, основные подходы государственного регулирования и поддержки сельского хозяйства. Авторское мнение было сформировано также под влиянием теоретических трудов и законодательного регулирования в области системы развития госзакупок в сельском хозяйстве через призму применения технологии блокчейна и администрирования с использованием иных новых технологий, а также с учетом необходимости решения проблем защиты данных и растущего числа их утечек.

В результате были выявлены трудности, прежде всего правового характера, препятствующие внедрению новых технологий в создание и развитие АПК, установлены риски, связанные с онлайн-сервисами с учетом деловой практики и опасений бизнес-сектора в отношении возможных утечек данных при использовании онлайн-платформ и облачных хранилищ.

Ключевые слова: сельское хозяйство, единый цифровой агропромышленный комплекс, аграрный бизнес, цифровые технологии, блокчейн, искусственный интеллект, машинное обучение, анализ больших данных, цифровые платформы, прозрачность, трассировка, управление.

Введение

Российская аграрная сфера стоит перед непростыми вызовами современности: необходимо повысить производительность, снизить себестоимость продукции, обеспечить продовольственную безопасность страны и выйти на новые рынки. Традиционные методы управления и производства уже не отвечают настоящим реалиям, и ключом к успешному решению этих задач является внедрение цифровых технологий¹.

Премьер-министр М. Мишустин сообщил, что в 2024 году в России завершат работу по созданию единой цифровой платформы агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов, информационная база которой будет опираться на российское программное обеспечение². Запуск платформы планировался в марте 2025 года. Однако, по данным публичных источников по состоянию на июль-сентябрь 2025 года платформа еще не запущена и начнет работу к концу 2025 года, а с начала 2026 года станет доступна пользователям. По словам премьер-министра, цифровизация услуг агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов будет проводиться в несколько этапов. Полное наполнение платформы планируется к 2030 году. К 2026 году этот показатель должен достигнуть 50%, в 2027-м – 75%. К 2028 году оформление всех мер поддержки будет полностью переведено в «цифру», подчеркнул М. Мишустин.

Методы исследования

При изучении проблем, связанных с автоматизацией процессов в деятельности сельскохозяйственных компаний, использовались общенаучные и специальные методы научного познания (метод системного подхода, диалектический, индуктивный, дедуктивный, прогностический, анализ и синтез, структурно-функциональный методы и частнонаучные методы, такие как формально-юридический, метод юридического толкования).

Использование анализа, синтеза, дедукции и индукции в качестве общенаучных методов позволило выявить основные принципы формирования единого цифрового агропромышленного комплекса, определить их сущность и правовое содержание, установить социально-экономические предпосылки для внедрения этих технологий, предпринять попытки прогнозирования их дальнейшего развития, сформулировать выводы относительно перспектив дальнейшего использования цифровых технологий в процессе формирования единого цифрового агропромышленного комплекса. Использование формально-правового метода позволило определить некоторые правовые категории в сфере сельского хозяйства. С помощью технико-правового метода была установлена взаимосвязь между исследуемыми элементами и обосновано значение автоматизации для отечественного агропромышленного комплекса.

Результаты исследования

В статье исследован потенциал ЕЦАПК как инструмента для достижения ключевых целей развития аграрной сферы в Российской Федерации. Исследованы преимущества ЕЦАПК, его влияние на повышение эффективности управления, рост производительности, использование инновационных технологий и повышение конкурентоспособности отечественной аграрной промышленности. Проанализированы основы законодательного регулирования ЕЦАПК. В результате проведенного исследования установлено:

1. ЕЦАПК позволит повысить эффективность управления, увеличить производительность труда, внедрить инновационные технологии, повысить конкурентоспособность отечественной агропромышленности и обеспечить продовольственную безопасность страны.

¹ Матыцин Д.Е. Правовые основы цифровизации сельского хозяйства. Аграрное право: учебник для вузов / А.П. Анисимов [и др.]; под ред. А.П. Анисимова, О.В. Поповой. М.: Издательство Юрайт, 2022. С. 258–266.

² Об утверждении Стратегии развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 08.09.2022 № 2567-р (ред. от 23.11.2023) // Собрание законодательства РФ. 2022. № 38. Ст. 6481.

2. Существующая законодательная база в Российской Федерации не отвечает в полной мере эффективному регулированию создания и функционирования ЕЦАПК. Предлагается устранить существующие недостатки законодательства посредством создания более прозрачной и стимулирующей правовой среды для внедрения цифровых технологий в агропромышленном секторе. Разработка единого стандарта данных, введение налоговых льгот и субсидий для предприятий, внедряющих цифровые технологии, создание единого центра компетенций и системы сертификации – первоочередные рекомендации в сфере правового развития для успешного создания и формирования национального ЕЦАПК.

Научная дискуссия

Создание единого цифрового агропромышленного комплекса (ЕЦАПК) – это не просто модернизация, а революция в сельском хозяйстве. ЕЦАПК позволит объединить все звенья агропромышленной цепочки – от выращивания и сбора урожая до переработки и реализации продукции, в единую, интегрированную систему, управляемую с помощью искусственного интеллекта, анализа больших данных и других передовых технологий [9].

Основными целями внедрения цифровой платформы выступают упрощение доступа предпринимателей к инструментам оптимизации затрат [8], получение государственной поддержки при уменьшении избыточного документооборота и уменьшение сроков предоставления госуслуг [7].

Такие масштабные изменения агропромышленной сферы не могут пройти бесследно. Рассмотрим преимущества ЕЦАПК, его влияние на повышение эффективности управления, рост производительности, использование инновационных технологий и повышение конкурентоспособности отечественной аграрной промышленности.

К основным и наиболее масштабным последствиям цифровой трансформации для агропромышленного комплекса (АПК) можно отнести:

- изменение отраслевой структуры АПК, включая исчезновение традиционных отраслей и возникновение новых. Цифровизация агропромышленной сферы неизбежно приведет к изменениям в отраслевой структуре АПК, включая исчезновение традиционных отраслей и возникновение новых в связи со снижением потребности в ручном труде: автоматизированные системы, заменяют человеческий труд на многих этапах производства, от посева до уборки [5]. С увеличением автоматизации возрастает потребность в специалистах с цифровыми компетенциями: программисты, специалисты по данным, операторы автоматизированных систем. Традиционные рабочие места в сельском хозяйстве могут значительно сократиться, потребность в новых специальностях увеличится.

- Улучшение планирования и управления. Система сбора и анализа данных позволит оптимизировать использование ресурсов, повысить урожайность, снизить потери и улучшить эффективность производства. Анализ данных позволит определить требования потребителей и создавать продукты, удовлетворяющие их потребностям.

Помимо прочего, к последствиям цифровизации агропромышленного комплекса можно отнести исчезновение остатков традиционного сельского уклада и изменение городского уклада. Как было отмечено ранее, автоматизация и робототехника уменьшают потребность в ручном труде в сельском хозяйстве, что неизбежно приводит к уменьшению количества сельскохозяйственных работников и утрате традиционных сельских профессий. Это не означает, что отпадет потребность в человеческом труде, это означает, что требования к работникам сельского хозяйства поменяются.

Так же ожидаемое внедрение новых организационных моделей, таких как «умная ферма» и «умная теплица», а также активное использование беспилотной техники и роботов в пищевой промышленности приведет к повышению эффективности производства и как следствие повышению конкурентоспособности отечественного производства на мировом рынке [2].

Такие масштабные изменения не могут производиться без опоры на законодательную базу. Проведем анализ действующего законодательства в сфере создания единого агропромышленного комплекса. Среди актов, регулирующих данную сферу, можно выделить следующие нормативные правовые акты:

- Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы¹: задает вектор развития цифровых технологий, включая их применение в агропромышленном комплексе.

¹ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

– Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства» (№ 193-ФЗ от 29 декабря 2006 г.)¹: определяет стратегические направления развития агропромышленного комплекса, включая внедрение цифровых технологий.

– Федеральный закон «Об электронной подписи» (№ 63-ФЗ от 06 апреля 2011 г.)²: регулирует правовое использование электронных подписей в цифровых системах, что необходимо для обмена данными в ЕЦАПК.

– Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (№ 149-ФЗ от 27 июля 2006 г.)³: устанавливает основы правового регулирования в сфере информационных технологий, включая обработку данных, необходимых для ЕЦАПК.

– Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования государственного регулирования в области генно-инженерной деятельности» (№ 358-ФЗ от 03 июля 2016 г.)⁴: регулирует использование генетически модифицированных организмов, что важно для внедрения современных технологий в сельском хозяйстве.

Как следует из анализа действующих правовых норм на сегодняшний день отсутствует закон, регулирующий создание и функционирование единого цифрового агропромышленного комплекса. Разрозненные нормативно-правовые акты создают неясность и неопределенность в правовом регулировании ЕЦАПК, что затрудняет его создание, внедрение и функционирование.

Отсутствие единого комплексного закона приводит к трудностям в интерпретации и применении существующих норм, так как они могут быть не полностью согласованы и иметь различные толкования [3]. Отсутствие четкого правового регулирования создает высокие риски для инвесторов, готовых вкладывать средства в развитие ЕЦАПК [6]. Неясность в законодательстве делает инвестиционные проекты менее привлекательными [4]. Отсутствие гарантий защиты интеллектуальной собственности и неясность в вопросах регулирования данных не способствуют желанию у инноваторов разрабатывать и внедрять новые технологии в сельском хозяйстве. Отсутствие единого стандарта данных порождает проблемы с интеграцией и совместимостью систем: разные системы и платформы в ЕЦАПК могут использовать разные форматы и стандарты данных, что усложняет интеграцию и обмен информацией. Отсутствие единых правил и стандартов в сфере кибербезопасности повышает риски незаконного доступа к данным ЕЦАПК и может привести к угрозам для конфиденциальности информации и безопасности системы в целом. Отсутствие четкого правового регулирования ЕЦАПК делает не полностью ясной потребность в специалистах с цифровыми компетенциями в сельском хозяйстве. Это может тормозить развитие кадрового потенциала в этой сфере. Отсутствие единых стандартов и требований к квалификации специалистов в сфере цифровизации АПК усложняет оценку их компетенций и приводит к трудности в подборе квалифицированных кадров. Разрозненное законодательство и отсутствие единого центра управления ЕЦАПК приводят к неэффективному использованию государственных ресурсов и не позволяют создать единую систему поддержки цифровизации АПК [1].

Анализ действующих норм существующей законодательной базы в РФ, с учетом перечисленных вследствие ее несовершенства трудностей развития ЕЦАПК, позволяет прийти к выводу о необходимости ее модернизации. На наш взгляд отсутствие комплексного закона в сфере информационного развития агропромышленного комплекса, который бы полностью регулировал создание и функционирование ЕЦАПК порождает множество проблем. Это тормозит внедрение цифровых технологий в сельском хозяйстве, снижает инвестиционную привлекательность отрасли и мешает достижению целей цифрового преобразования АПК. Разработка и принятие комплексного закона, регулирующего все аспекты создания и функционирования ЕЦАПК, являются необходимым шагом для успешного развития цифровизации в сельском хозяйстве. Такой закон должен устанавливать

¹ О развитии сельского хозяйства: Федеральный закон от 29.12.2006 № 264-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 1 (1 ч.). Ст. 27.

² Об электронной подписи: Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 15. Ст. 2036.

³ Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.11.2024) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.

⁴ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования государственного регулирования в области генно-инженерной деятельности: Федеральный закон от 03.07.2016 № 358-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // Собрание законодательства РФ. 2016. № 27 (часть II). Ст. 4291.

единые правила и стандарты для функционирования ЕЦАПК, определять полномочия государственных органов и частных предприятий, а также регулировать вопросы безопасности и защиты данных. Разработка единого стандарта данных для агропромышленного комплекса позволит обеспечить совместимость различных информационных систем, используемых в ЕЦАПК. На наш взгляд, так же необходимо предусмотреть налоговые льготы, субсидии и гранты для предприятий, внедряющих цифровые технологии в агропромышленном секторе. Как одно из направлений совершенствования агропромышленной сферы в целях достижения целей цифровизации выступает создание единого центра компетенций и системы сертификации: это позволит консолидировать усилия по разработке и внедрению цифровых технологий в сельском хозяйстве, а создание системы сертификации обеспечит качество и безопасность данных, используемых в ЕЦАПК.

Совершенствование законодательной базы является ключевым фактором для успешного создания и развития ЕЦАПК. Системный подход, включающий разработку новых законов, стандартизацию данных, стимулирование инноваций и создание единого центра компетенций, позволит обеспечить эффективное функционирование ЕЦАПК и достижение целей развития агропромышленной сферы в Российской Федерации.

На основании всего вышесказанного можно сделать обобщающий вывод о том, что создание единого цифрового агропромышленного комплекса (ЕЦАПК) представляет собой ключевой шаг для преодоления вызовов, стоящих перед российской аграрной сферой, и достижения целей ее развития. Естественно, что реализация этого амбициозного проекта требует комплексного подхода, включающего не только разработку и внедрение новых технологий, но и создание соответствующей законодательной базы, которая будет стимулировать развитие ЕЦАПК и обеспечивать его эффективное функционирование. Проведенное исследование продемонстрировало, что существующая законодательная база в Российской Федерации не соответствует современным социально-экономическим потребностям регулирования создания и функционирования ЕЦАПК. Отсутствие единого комплексного закона в сфере цифровизации АПК приводит к неясности в правовом поле, затрудняет инвестирование в развитие ЕЦАПК, тормозит интеграцию и совместимость информационных систем, усложняет развитие кадрового потенциала и приводит к неэффективному использованию государственных ресурсов. Предлагается устранить существующие недостатки законодательства путем создания более прозрачной и стимулирующей правовой среды для внедрения цифровых технологий в агропромышленном секторе. Первоочередными мерами правового обеспечения успешного создания и развития ЕЦАПК должны стать – разработка единого стандарта данных, введение налоговых льгот и субсидий для предприятий, внедряющих цифровые технологии, создание единого центра компетенций и системы сертификации.

Список использованной литературы:

1. Вайпан В.А. Основы правового регулирования цифровой экономики. *Право и экономика*. 2017;(11):5–18.
2. Демченко М.В., Бердникова А.А. Правовое регулирование использования технологий искусственного интеллекта в предпринимательской деятельности в агропромышленном комплексе. *Хозяйство и право*. 2022;(9):34–45.
3. Иншакова А.О., Квициния Н.В. Правовая природа договора выкупного лизинга: вопросы применения заемной конструкции и судебного толкования. *Актуальные проблемы российского права*. 2024;(19(7–164)):73–85. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.164.7.073-085.
4. Матыцин Д.Е. Утилитарные цифровые права как предмет дистанционно-цифровых сделок в инвестиционных платформах. *Евразийский юридический журнал*. 2022;(164(1)):171–174.
5. Семенов А.В., Семенова-Шусс Е.В. Проблемы административно-правового обеспечения перехода к циркулярной экономической модели агропромышленного комплекса на примере реализации федерального проекта «Экономика замкнутого цикла». *Административное право и процесс*. 2024;(5):27–30.
6. Шкарупа Е.А., Квициния Н.В. Экономико-правовое обеспечение государственного регулирования и поддержки сельского хозяйства. *Экономика и предпринимательство*. 2023;(9):445–449.
7. Dziedik V.A., Kvitsinia N.V., Osadchenko E.O., Ignatova K.E. Offset Contract as an Import Substitution Tool in Russia: Problems and Prospects. In: Inshakova A., Matytsin D., Inshakova E. (eds) Remote Investment Transactions in the Digital Age. *Intelligent Systems Reference Library*. 2024;(250):309–318. DOI: 10.1007/978-3-031-51536-1_29
8. Ershova I.V., Inshakova A.O., Deryugina T.V., Matytsin D.E. Investing in Digital Rights Using Investment Platforms: Peculiarities of Legal Relations. In: Inshakova A., Matytsin D., Inshakova E. (eds) Remote Investment Transactions in the Digital Age. *Intelligent Systems Reference Library*. 2024;(250):193–203. DOI: 10.1007/978-3-031-51536-1_18

9. Inshakova A.O., Anisimov A.P., Matytsin D.E. Agricultural Technologies as a Factor in the Development of Organic Farming: Regulation of Foreign Trade Turnover in Russia and the EAEU. In: Popkova E.G., Sergi B.S. (eds) *Geo-Economy of the Future*. Springer, Cham. 2022;395–407. DOI: 10.1007/978-3-030-92303-7_43.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Иншакова Агнесса Олеговна

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и международного частного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», профессор кафедры предварительного расследования учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел ФГКОУ ВО «Волгоградская академия МВД России», эксперт Российской академии наук

ORCID: 0000-0001-8255-8160

Оригинальная статья

<https://doi.org/10.31429/20785836-17-3-30-34>

РАЗУМНЫЙ СРОК КАК ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ: ВОПРОСЫ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ И СОДЕРЖАТЕЛЬНОГО НАПОЛНЕНИЯ

Конорезов Н.А.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Конорезов Н.А. Разумный срок как правовая категория: вопросы терминологического определения и содержательного наполнения. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2025;17(3):30–34. <https://doi.org/10.31429/20785836-17-3-30-34>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Конорезов Николай Андреевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса и международного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (938) 474-70-70

E-mail: konorezov@list.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 05.08.2025

Статья принята к печати: 04.09.2025

Дата публикации: 29.09.2025.

Аннотация: Целью статьи является проведение комплексного анализа правовой категории «разумного срока» как оценочной величины, применяемой в регулировании как частно-, так и публично-правовых отношений. Автор рассматривает эволюцию понятия «разумного срока» в российском законодательстве, подчеркивая его значимость для обеспечения правовой определенности и реализации права на судебную защиту. Раскрывается соотношение разумного срока с иными видами сроков, прежде всего с процессуальными, а также обсуждаются доктринальные подходы к его определению и содержательному наполнению. Указывается на отсутствие единых временных рамок разумного срока в законодательстве, что придает ему оценочный характер. Обосновывается, что разумный срок следует понимать как оптимальный и достаточный период времени, необходимый для эффективного восстановления нарушенного права. Делается *вывод* о том, что разумный срок не тождественен процессуальному сроку, но служит важнейшей гарантией своевременного и справедливого правосудия.

Ключевые слова: разумный срок, процессуальные сроки, судебная защита, правовая определенность, принципы судопроизводства, оценочная категория, реализация права, эффективность правосудия.

Введение

Правопорядок придает срокам как особым юридическим фактам существенное значение при регулировании как публичных, так и частных отношений. Четкая регламентация сроков сопутствует созданию правовой определенности, стабильности гражданского оборота и деятельности органов государственной власти. С позиции процессуального регулирования сроки, к тому же, можно рассмотреть через призму эффективности и доступности правосудия. Особое значение сроков объясняется тем, что закон связывает с ними наступление и прекращение тех или иных правовых последствий.

Рассуждая о значении правовых сроков, А.С. Ткач замечает, что право, как социальный регулятор, должно обеспечивать статику и динамику общественных отношений, а потому право не может существовать вне объективной реальности, вне времени и пространства [8, с. 224]. Именно поэтому в любом нормативно-правовом акте всегда находят отражение сроки осуществления тех или

иных действий, сроки предъявления документов, сроки, в течение которых заинтересованные лица могут обратиться за защитой нарушенных прав и т.п. При этом, следуя принципу правовой определенности, все сроки излагаются четко, в отсутствие двусмысленности, с ориентацией на принятые российским правом правила исчисления сроков.

Вместе с тем правопорядок не исключает ситуаций, когда установить четкий срок или определить его календарной датой или иным способом невозможно. Такая ситуация может сопутствовать, например, длящимся правоотношениям, относительно которых неизвестно, когда они наступят или прекратятся, или в иных правоотношениях с известной им спецификой. Однако это не значит, что установить срок нельзя вовсе – для подобных ситуаций правопорядком разработан механизм «разумного срока».

Методы исследования

В исследовании применена комплексная методология, объединяющая общенаучные (сравнительный, исторический, анализ и синтез, телеологический, системный) и частнонаучные методы (догматико-юридический, доктринальный, оценочно-интерпретационный) научного познания, что позволило всесторонне рассмотреть правовую категорию «разумного срока» как оценочное, межотраслевое и функционально значимое понятие и выработать его авторское определение, основанное на целях обеспечения правовой определенности и эффективной судебной защиты.

Результаты исследования

1. Разумный срок – это особая разновидность сроков, имеющих оценочный характер и применяемых к частно- и публично-правовым отношениям во исполнение законных интересов участников правоотношений. Категория «разумного срока» используется в настоящий момент гражданским и процессуальным законодательством, получив закрепление во всех четырех процессуальных кодексах (Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации¹ (далее – ГПК РФ), Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации² (далее – АПК РФ), Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации³ (далее – КАС РФ) и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации⁴ (далее – УПК РФ)).

2. Разумный срок в процессуально-правовом смысле понимается именно как разумный срок судебного разбирательства и исполнения судебного акта. Его необходимо понимать в качестве особого срока, не тождественного сроку процессуальному, в течение которого должно быть завершено судебное разбирательство и исполнительное производство и в течение которого обеспечивается реальная защита прав и законных интересов заявителя. В конечном счете, под разумным сроком следует понимать срок оптимальный, достаточный и необходимый для того, чтобы принятие и исполнение судебного акта в целом обеспечивали реализацию задач судопроизводства и реальное восстановление прав граждан и организаций.

Научная дискуссия

Понятие «разумный срок» является достаточно распространенным и закрепляется в многочисленных нормативно-правовых актах. Наибольшее распространение разумный срок получил, конечно, в гражданском законодательстве, где он применяется как категория, призванная стабилизировать и упорядочивать гражданский оборот. Так, понятие «разумности» встречается в ст. 6 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) и закрепляется в качестве основного начала, в соответствии с которым должны определяться обязанности сторон, а также в ст. 10 ГК РФ наравне с принципом добросовестности⁵. Гражданское законодательство в целом исходит из того, что действия участников гражданского оборота должны быть разумными (п. 3 ст. 53, п. 4 ст. 62, п. 2 ст. 72, п. 1 ст. 178 и др.). Понятие «разумный срок» в свою очередь также встречается в тексте ГК РФ неоднократно (п. 2 ст. 157.1, п. 3 ст. 183, п. 2 ст. 187, п. 2 ст. 314, п. 4 ст. 345, п. 3 ст. 367 и др.).

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

² Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

³ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 07.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

Из гражданского законодательство рассматриваемые термин «перекочевал» и во все процессуальные кодексы, получив закрепление в ст. 6.1 ГПК РФ, ст. 6.1 АПК РФ, ст. 10 КАС РФ и ст. 6.1 УПК РФ, где он именуется разумным сроком судопроизводства и исполнения судебного акта.

Среди иных нормативных правовых актов, в которых нашло отражение понятие «разумный срок», можно привести, например, Закон РФ от 07 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (ст. 19)¹, Федеральный закон от 02 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (ст. 18)², Кодекс торгового мореплавания РФ (ст. ст. 152–153, 166, 186)³, Жилищный кодекс РФ (ст. ст. 29, 32, 35)⁴ и другие. Как видим, разумный срок как правовая категория получил закрепление в нормативно-правовых актах различной отраслевой принадлежности, относящихся как к частному, так и публичному праву.

Вместе с тем ни в одном из рассмотренных актов понятие «разумный срок» не раскрывается, как и не указываются конкретные временные пределы, которые можно было бы считать «разумными». Единственное, что можно встретить в законодательстве по интересующему нас вопросу – признание разумным сроком периода времени, исчисляемого семи днями (п. 2 ст. 314 ГК РФ), однако он применяется исключительно в сфере обязательственных отношений. Процессуальное законодательство пошло по иному пути – установлению критериев определения разумного срока, к которым относятся в том числе правовая и фактическая сложность дела, поведение участников процесса и т.д. (ч. 3 ст. 6.1 ГПК РФ, ч. 3 ст. 6.1 АПК РФ, ч. 2 ст. 10 КАС РФ). Из этого следует и того, что разумный срок не является какой-либо конкретной величиной, которую можно измерить определенным промежутком времени.

Полагаем, именно по этой причине рассматриваемый срок и получил наименование «разумный», что как бы подразумевает его оценочный характер [4, с. 30; 10, с. 30], устанавливаемый в каждом конкретном случае, исходя из специфики правоотношений, в которых он применяется. В литературе также не сложилось единства мнений относительно понятия и правовой природы разумного срока. Плюрализм имеющихся подходов к тому же объясняется тем, что разумный срок одновременно сочетает черты материального- и процессуально-правового регулирования, будучи наполненным различным содержанием в материальных и процессуальных отраслях права.

Говоря о разумном сроке в процессуальном смысле, то есть о разумном сроке судебного разбирательства и исполнения судебных актов, то его правовая природа в литературе определяется в качестве неотъемлемого элемента права на судебную защиту (ст. 46 Конституции РФ⁵) [7, с. 25]. С этим, безусловно, следует согласиться, поскольку право на судебную защиту не могло бы быть реализовано, если бы спор рассматривался в суде бесконечно долго, а принятый судебный акт, являющийся обязательным для всех государственных органов, бесконечно долго бы не исполнялся. В этой связи следует согласиться с В.В. Момотовым, отмечающим, что разумный срок – это своего рода «золотая се редина» между быстрым и справедливым судебным разбирательством [6, с. 104]. Существование права предполагает само по себе, что оно будет реализовано – реализовано наиболее эффективно в действующих правовых и политических условиях. Учитывая сказанное, право на рассмотрение дела и на исполнение судебного акта в разумный срок является составляющей права на судебную защиту и одновременно гарантией его реализации.

Из сказанного органично следует, что категория «разумный срок» преломляется сквозь призму принципов гражданского, арбитражного и административного судопроизводства. Иногда разумный срок называется самостоятельным принципом процесса [5, с. 183], о чем свидетельствует хотя бы структурное расположение соответствующих процессуальных норм в главах процессуальных кодексов, посвященных принципам судопроизводства.

Например, в качестве принципа судопроизводства разумный срок судебного разбирательства рассматривает Я.Н. Куемжиева, определяя его содержание следующим образом: судебное

¹ О защите прав потребителей: Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 07.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 140.

² Об исполнительном производстве: Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.

³ Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30.04.1999 № 81-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. 1999. № 18. Ст. 2207.

⁴ Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (часть 1). Ст. 14.

⁵ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

разбирательство и исполнение судебных актов должны осуществляться в разумные сроки, гарантирующие реальную защиту права или законного интереса заинтересованного лица [3, с. 209].

С приведенным мнением соглашаются и иные исследователи, вкладывая его в основу понятия «разумного срока». Так, по мнению Т.В. Четкиной, разумный срок – это срок судебного разбирательства или исполнения судебного акта, обеспечивающий реальную защиту права или законного интереса заинтересованного лица [9, с. 137]. Вместе с тем, по нашему мнению, приводимое содержание не позволяет в полной мере уяснить природу «разумного срока», поскольку неясно, что представляет собой «реальная защита права» и когда защита права или законного интереса может признана «реальной».

Полагаем, что в данном случае под «реальной защитой права» имеется в виду защита, которая остается актуальной для заявителя на момент разрешения дела. Иллюстрируя приведенный тезис, можно смоделировать ситуацию, при которой заявитель в течение нескольких лет взыскивает сумму в размере 1 млн. руб. Очевидно, что в условиях инфляции и иных экономических процессов, реальная стоимость денежных средств на момент подачи искового заявления и на момент вынесения судебного акта может отличаться существенным образом вплоть до полного обесценивания покупательной способности 1 млн. руб. В смоделированной ситуации вынесение судебного решения не обеспечивает реальную защиту права, поскольку это право утрачивает свою актуальность для заявителя.

В литературе предлагаются и иные определения «разумного срока», не основанные на «реальном» подходе. В частности, по мнению А.Г. Мусаевой, разумный срок представляет собой особую разновидность срока в рамках легально установленных временных периодов, предназначенных для производства по делу во всех стадиях, в том числе и время для совершения процессуальных действий и для принятия процессуальных решений¹. Полагаем, что автор имеет в виду, что разумный срок судопроизводства обеспечивается тогда, когда оно осуществляется в строго отведенные рамки – в процессуальные сроки, регламентированные законодательством.

Этот подход фактически отождествляет понятия «разумного» и «процессуального» срока, тогда как в действительности дело может рассматриваться с соблюдением процессуальных сроков, но в нарушение разумного срока (например, при неоднократных отменах судебных актов), и, напротив, с нарушением процессуальных сроков, но в допустимых и разумных пределах, не влияющих на обеспечение реальной защиты прав. Учитывая сказанное, думается, что процессуальные сроки не тождественны срокам разумным, однако законодатель при установлении процессуальных сроков, безусловно, должен ориентироваться на критерии разумности, не создавая легальных барьеров для реализации права на судебную защиту.

В то же время мы полагаем, что соблюдение всех процессуальных сроков еще не обеспечивает рассмотрение дела в разумный срок. Соблюдение процессуальных сроков отнесено законодателем к задачам, а не принципам судопроизводства, среди которых и фигурирует «своевременное и правильное разрешение дела» (ст. 2 ГПК РФ, ст. 2 АПК РФ, ст. 3 КАС РФ). Конкретный же срок, в течение которого должно быть завершено судебное разбирательство в целом (разумный срок), должен устанавливаться судом с учетом законодательно обозначенных критериев – он может быть как короче, так и длиннее процессуальных сроков, если это позволяют фактические индивидуальные обстоятельства каждого конкретного спора (если это признано судом разумным). И, следовательно, соблюдение разумного срока еще не означает и не должно означать, что дело будет рассмотрено своевременно.

Что же касается разумного срока в материально-правовом смысле, то повторим, что гражданское законодательство придает разумности характер основного начала (принципа) гражданского оборота наравне с принципом добросовестности (ст. ст. 6, 10 ГК РФ). Рассматривая два названных принципа, Е.Б. Абакумова отмечает, что добросовестность в большей степени относится к этическим принципам права, а разумность – к рациональным. Разумность таким образом, по мнению автора, соотносится со стандартами рациональности, профессионализма, предусмотрительности, адекватности, целесообразности [1, с. 33]. В целом этот подход может быть воспринят и в процессуальном смысле. В этом случае мы можем говорить, что разумный срок судопроизводства – это прежде всего срок оптимальный, рациональный, достаточный и необходимый для реального восстановления прав лиц, обращающихся в суд.

Однако заметим, что ряд поднятых нами вопросов продолжает носить дискуссионный характер. До сих пор не принято единогласного мнения относительно определения понятия разумного

¹ Мусаева А.Г. Судопроизводство в разумный срок как гарантия конституционного права граждан на судебную защиту: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 23.

срока судопроизводства, его соотношения со сроком процессуальным, соотношения с принципами судопроизводства и его задачами. Неясным остается его длительность и порядок исчисления [2, с. 22].

Список использованной литературы:

1. Абакумова Е.Б. Принципы добросовестности и разумности в корпоративных отношениях. *Вестник арбитражной практики*. 2020;(4):32–40.
2. Зуева Л.Ю. Разумный срок административного судопроизводства: понятие и сущность. *Административное право и процесс*. 2016;(4):20–24.
3. Куемжиева Я.Н. Разумный срок судопроизводства и разумный срок исполнения постановлений как принцип гражданского и арбитражного процессуального права. *Актуальные проблемы современного развития гражданского, арбитражного и административного судопроизводства: сборник научных статей*. Санкт-Петербург; 2013.
4. Кулдыркаева К.И. Понятие разумного срока в гражданском судопроизводстве. *Контентус*. 2020;(10):34–42.
5. Курбанов Д.А., Калашникова Я.А. Разумный срок в гражданском судопроизводстве: критерии оценки и практика применения. *Право, экономика и управление: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Главный редактор Э.В. Фомин (Чебоксары, 16 октября 2020 г.)*. Чебоксары; 2020.
6. Момотов В.В. Право на судопроизводство в разумный срок и компенсация за его нарушение как форма социальной ответственности государства. *Журнал российского права*. 2024;(6):100–109.
7. Никитина А.В. Разумный срок судебного разбирательства и исполнения судебных актов: практика получения справедливой компенсации: монография / отв. ред. С.В. Нарутто. М.: Норма, Инфра-М; 2012.
8. Ткач А.С. К вопросу о понятии и значении правового срока. *Вестник Костромского государственного университета*. 2020;(26(2)):224–228.
9. Чечеткина Т.В. Исторические предпосылки появления понятия «разумный срок» в гражданском процессуальном праве. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2015;(17):137–142.
10. Чечеткина Т.В. Определение понятия «разумный срок» в гражданском судопроизводстве. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2014;(348(19)):29–31.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Конорезов Николай Андреевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса и международного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Оригинальная статья

<https://doi.org/10.31429/20785836-17-3-35-39>

**ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ
ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ОСМОТРЕ ИНФОРМАЦИИ
В СЕТИ ИНТЕРНЕТ**

Глиме́йда В.В.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Глиме́йда В.В. Процессуальные аспекты применения искусственного интеллекта при осмотре информации в сети Интернет. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2025;17(3):35–39. <https://doi.org/10.31429/20785836-17-3-35-39>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Глиме́йда Виталий Витальевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: + 7 (918) 269-22-38

E-mail: abins@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 30.07.2025

Статья принята к печати: 29.08.2025

Дата публикации: 29.09.2025

Аннотация: Целью исследования является обоснование необходимости совершенствования правового регулирования порядка производства следственного действия – осмотра в условиях применимости технологии искусственного интеллекта (далее также – ИИ), а также тенденции цифровизации уголовного судопроизводства.

В результате выявлены аспекты использования искусственного интеллекта при осмотре интернет-ресурсов, установлены пробелы и коллизии законодательства (отсутствие прямого упоминания ИИ, неопределённость статуса цифровых данных, недостаточная регламентация порядка их получения), проанализированы правовые положения, устанавливающие допустимость цифровых результатов осмотра, а также разграничены технический и процессуальный аспекты применения ИИ.

Вывод: сформулировано предложение по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства посредством имплементации специальной нормы об осмотре интернет-ресурсов, в том числе с применением искусственного интеллекта, включающей закрепление обязанности отражать в протоколе следственного действия факт и условия использования данной технологии, определение роли специалиста при получении результатов алгоритмического анализа, предусматривающей стандарты верификации и воспроизводимости алгоритмов как необходимого условия допустимости цифровых доказательств.

Ключевые слова: искусственный интеллект, уголовное судопроизводство, досудебное производство, следственные действия, осмотр, цифровые данные.

Введение

Стремительное развитие цифровых технологий и совершенствование инструментов коммуникации обуславливают качественные изменения в сфере уголовного судопроизводства: значительная часть процессуально значимых сведений формируется и существует в сетевой среде и на электронных носителях. В сложившихся условиях органы предварительного расследования объективно поставлены перед необходимостью внедрения новейших приёмов обнаружения, фиксации, изъятия и последующего исследования информации, включая использование технологии искусственного интеллекта. Однако указанная цифровая трансформация уголовно-процессуальной

деятельности осуществляется в обстановке устойчивой нормативной неопределённости. Современная доктрина обоснованно указывает на отсутствие единых стандартов обращения с цифровыми доказательствами при производстве следственных действий и на опасность произвольной «тотальной цифровизации», не учитывающей природу уголовного процесса и гарантии прав личности, подчёркивая тем самым недостаточность имеющегося правового регулирования [2, с. 92]. В совокупности эти обстоятельства предопределяют необходимость комплексного научного осмысления правового режима использования ИИ при работе с информацией из сети Интернет в ходе осмотра, как следственного действия и выработки предложений по его совершенствованию.

Следует отметить, что положения законодательства, регулирующие производство осмотра (ст. 176–177 УПК РФ), формировались применительно к классическим материальным объектам – месту происшествия, предметам, документам – и потому изначально не учитывали особенностей сетевого контента. Между тем в практике всё чаще возникает необходимость процессуального осмотра интернет-ресурсов – веб-страниц, материалов социальных сетей, сообщений мессенджеров, – что требует адаптации традиционных требований к условиям виртуальной среды. Отсюда вытекают основные проблемы: отсутствие в нормах об осмотре прямого упоминания автоматизированных средств анализа, неопределённость процессуального статуса цифровых сведений, в том числе полученных с применением технологий ИИ, недостаточная определённость порядка удостоверения подлинности и приобщения таких данных к материалам уголовного дела. Разрешение указанных вопросов имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку определяет допустимость получаемых в ходе осмотра цифровых данных и обеспечивает реализацию прав участников уголовного судопроизводства.

Исследование нацелено на выявление пробелов и коллизий действующего правового регулирования, анализ уголовно-процессуального аспекта применения искусственного интеллекта при осмотре информации в сети Интернет и разработку предложений по совершенствованию правовой основы производства указанного следственного действия.

Методы исследования

В исследовании применён правовой анализ положений УПК РФ, других федеральных законов, регулирующих собирание и проверку доказательств, с акцентом на статьи 164, 164.1, 166, 176, 177, 58 и 168 УПК РФ, применительно к осмотру цифровой информации. Методологический подход включает системный и логико-правовой анализ для выявления пробелов и коллизий, а также изучение современной научной литературы 2020–2025 гг., что позволило обобщить доктринальные позиции и подтвердить обоснованность выводов исследования.

Результаты исследования

В ходе исследования обоснована гипотеза о необходимости нормативного закрепления порядка применения технологий искусственного интеллекта при производстве следственного действия – осмотра информации, размещённой в сети Интернет. Проведён правовой анализ положений УПК РФ (ст. 164, 166, 176, 177, 58, 168), показавший, что действующее законодательство не содержит специальных норм, прямо регулирующих использование ИИ при собирании и проверке доказательств с помощью осмотра. Установлено, что нормы об осмотре ориентированы на материальные объекты и не учитывают специфику цифровой среды: понятие «места осмотра» не приспособлено к виртуальному пространству, а порядок закрепления и удостоверения подлинности интернет-данных не определён.

Выявлены ключевые пробелы и коллизии: отсутствие в УПК РФ прямого упоминания искусственного интеллекта и автоматизированных средств, неопределённость статуса данных, полученных с их помощью, недостаточная регламентация отражения в протоколе факта и условий применения ИИ.

Сделан вывод о необходимости совершенствования уголовно-процессуального регулирования, направленного на формирование надёжных правовых механизмов фиксации цифровых данных, установление правил допустимости сведений, полученных с применением искусственного интеллекта, и закрепление процессуальной формы производства осмотра информации в сети Интернет.

Научная дискуссия

Современная цифровизация общества и экспоненциальный рост объемов информации ставят перед уголовным судопроизводством задачу освоения интеллектуальных технологий [5, с. 118]. Преступность все чаще оставляет цифровые следы – значимая часть данных существует в интернете и на электронных носителях. В этих условиях традиционные методы расследования утрачивают эффективность, а внедрение искусственного интеллекта становится насущной необходимостью. Данная технология обладает способностью в сжатые сроки обрабатывать значительные массивы цифровых данных, выделяя из них процессуально значимые сведения, недостижимые при

традиционной ручной обработке, что существенно расширяет познавательные возможности следователя, но одновременно актуализирует комплекс вопросов правового характера.

Одним из наиболее перспективных направлений применения технологий ИИ в следственной деятельности обоснованно признаётся осмотр информации, размещённой в сети Интернет [7, с. 297]. Именно это направление использования цифровых сведений в настоящее время получило широкое освещение в процессуальной доктрине, при этом сформировалась самостоятельная научная проблема, состоящая в определении порядка использования алгоритмов ИИ при производстве осмотра интернет-ресурсов в рамках уголовного судопроизводства.

Отсутствие в УПК РФ прямого упоминания технологий искусственного интеллекта обуславливает правовую неопределённость: фактическая возможность их применения уже существует, но процессуальный статус остаётся неурегулированным. По сути, речь идёт о становлении нового формата следственного действия, способного обеспечить полноценное использование ИИ при исследовании значительных цифровых массивов сведений. Особенности интернет-контента – нематериальный характер, динамичность, распределённость во времени и пространстве – существенно отличают его от традиционных вещественных доказательств, на которые изначально ориентировались нормы УПК РФ. В результате высказывается обоснованное мнение о том, что для работы с такими объектами требуется отдельное следственное действие со специальной процессуальной формой. Так, профессор В.А. Семенцов справедливо отмечает, что специфика сетевой информации обуславливает необходимость предусмотреть новый познавательный прием – ранее неизвестный процессуальный осмотр интернет-ресурсов, мессенджеров, социальных сетей и подобных источников [6, с. 115].

В свете этой идеи выделим ключевые проблемы, препятствующие эффективному применению искусственного интеллекта при осмотре цифровой информации:

Во-первых, использование ИИ осложнено отсутствием процессуальной формы, алгоритмов применения данной технологии в уголовном судопроизводстве. С одной стороны, прямого запрета нет (ч. 6 ст. 164 УПК РФ допускает применение технических средств), что стимулирует следствие фактически обращаться к новым достижениям науки и техники. С другой стороны, ИИ является технологией, тогда как результат анализа законодательства и правоприменительной практики свидетельствуют о недопустимости технологий, не упомянутых в УПК, что детерминирует вопрос о законности и доказательственной силе полученных в ходе использования цифровых технологий данных¹.

Во-вторых, значительную проблему представляет несоответствие действующих норм специфике цифровой информации.

Правила осмотра, закреплённые в УПК РФ, исторически ориентированы на материальные объекты и физическое пространство. Статьи 176 и 177 УПК РФ оперируют понятием «место происшествия» как конкретной локацией, тогда как в виртуальной среде место осмотра условно. Изъятие цифровой информации фактически сводится к копированию данных, что не укладывается в традиционную процедуру осмотра. На практике следователи вынуждены по аналогии относить содержимое веб-страниц к документам, фиксируя его скриншотами или другими цифровыми копиями. При этом упомянутые нормы закона не охватывают особенностей виртуальной среды, что создает пробелы в процессуальном порядке работы с электронными доказательствами.

В сфере обращения цифровых данных известной новеллой стала введённая в 2022 г. статья 164.1 УПК РФ, регламентирующая порядок копирования данных с электронных носителей при участии специалиста. Между тем её содержание изначально рассчитано на материальные объекты – компьютеры, диски, мобильные устройства – и не распространяется на удалённые сетевые ресурсы. Тем самым данная норма не разрешает вопросов, неизбежно возникающих при фиксации сведений, существующих исключительно в виртуальной среде: требуется ли отдельное судебное разрешение для осмотра облачных хранилищ, каким образом удостоверять дату и содержание веб-страницы, подлежит ли обязательной фиксации участие понятых при сетевом осмотре.

Подобное положение не только затрудняет процесс доказывания, но и порождает риск нарушения прав участников уголовного судопроизводства, поскольку критерии допустимости электронных доказательств остаются неопределёнными, что, в конечном счёте, актуализирует необходимость прямого законодательного закрепления самостоятельной нормы, устанавливающей порядок осмотра информации, размещённой в сети Интернет.

¹ Глимеда В.В. Применение технических средств и цифровых технологий при производстве следственных действий: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2024. С. 158.

Для преодоления выявленных проблем в научной литературе обозначены различные подходы, различающиеся по глубине предполагаемого вмешательства в действующую систему уголовно-процессуального регулирования.

Один из подходов предполагает опору на уже существующие механизмы, когда предлагается относить результаты работы алгоритмов ИИ к категории «иных документов» и вводить их в процесс через традиционные следственные действия – осмотр, выемку, экспертизу, поручая их фиксацию специалисту, в иных случаях – такие данные могут носить лишь вспомогательный (ориентирующий характер) [1, с. 7; 3, с. 66; 4, с. 250]. Такой вариант, безусловно, позволяет руководствоваться действующими нормами, однако не устраняет ключевой проблемы: каким образом процессуально оформить удалённые сетевые ресурсы, для которых понятие «место осмотра» носит условный характер, а копирование данных не тождественно изъятию в классическом понимании.

Другой подход нацелен на прямое нормативное урегулирование рассматриваемых отношений и предполагает включение в УПК РФ самостоятельной нормы, определяющей понятие осмотра интернет-ресурсов, устанавливающей требования к постановлению следователя, порядку участия специалиста, обязательному отражению применённых алгоритмов в протоколе и обеспечению сохранности электронных копий [8, с. 566; 9, с. 239; 10, с. 40;]. Рассмотренное решение позволяет устранить имеющуюся неопределённость и сформировать предсказуемый процессуальный механизм, способный гарантировать допустимость цифровых данных и надёжную защиту прав участников уголовного судопроизводства.

Представляется, что упомянутая норма могла бы дополнить гл. 16 УПК РФ положением, прямо регулирующим осмотр интернет-ресурсов, в том числе, с использованием технологий ИИ. При этом оно должно учитывать фундаментальные принципы уголовного судопроизводства, необходимость оформления решения следователя постановлением, во исполнение принципа законности (ст. 7 УПК РФ), гарантий неприкосновенности частной жизни (ст. 23 Конституции РФ), с обязательным участием специалиста (ст. 58, 168 УПК РФ), обеспечивающего корректность и воспроизводимость технических операций.

В целях обеспечения достоверности и последующей проверки полученных сведений, протокол такого осмотра должен содержать точный сетевой адрес, дату и время доступа, сведения о применённых средствах и алгоритмах, а также данные о специалисте (ст. 166–167 УПК РФ). Кроме того, полученные результаты должны быть надлежаще приобщены к материалам уголовного дела с соблюдением правил хранения и проверки подлинности доказательств (ст. 81, 84, 88 УПК РФ), что гарантирует их неизменность и допустимость.

В этой связи, видится целесообразным закрепить в УПК РФ новую статью – ст. 177.1 «Осмотр информации, размещённой в сети Интернет», изложив её в следующей редакции:

1. Осмотр информации, размещённой в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, в том числе с применением программных средств искусственного интеллекта, допускается на основании постановления следователя (дознателя) при участии специалиста.

2. В протоколе осмотра указываются: точный сетевой адрес (URL), дата и время доступа, применённые технические средства и алгоритмы обработки данных, сведения о специалисте, обеспечившем использование таких средств, а также зафиксированные результаты в виде электронных копий либо иных носителей.

3. Полученные копии приобщаются к материалам уголовного дела с соблюдением правил хранения и обеспечения подлинности доказательств.

Закрепление подобной нормы устраним существующую неопределённость и обеспечит единообразную процедуру работы с цифровыми сведениями, предоставив следователю легальные инструменты для использования алгоритмов искусственного интеллекта при осмотре сайтов, социальных сетей, облачных сервисов. Это, в свою очередь, усилит гарантию допустимости собранных цифровых данных, как доказательств, поскольку они будут фиксироваться по правилам, установленным законом. Подобный подход позволит повысить «прозрачность» следственных действий и укрепить доверие участников уголовного судопроизводства к результатам алгоритмического анализа, будет соответствовать назначению уголовного судопроизводства и позволит использовать технологию искусственного интеллекта как инструмент, расширяющий познавательные возможности деятельности следователя.

Список использованной литературы:

1. Бахтеев Д.В. Искусственный интеллект в следственной деятельности: задачи и проблемы. *Российский следователь*. 2020;(9):3–6. DOI: 10.18572/1812-3783-2020-9-3-6.

2. Гладышева О.В., Семенцов В.А., Лошкобанова Я.В. Искусственный интеллект и цифровые (электронные) доказательства в уголовном судопроизводстве. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2024;(16(1)):89–99. DOI: 10.31429/20785836-16-1-89-99.
3. Глиме́йда В.В. Правовые особенности реализации процессуальных направлений использования искусственного интеллекта при производстве следственных действий. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2025;(17(2)):64–70. DOI: 10.31429/20785836-17-2-64-70.
4. Рябчиков В.В., Фофонова У.А. Использование цифровых технологий в уголовном процессе России. *Аграрное и земельное право*. 2024;(235(7)):249–251. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_7_249.
5. Саморока В.А. Интеллектуальные технологии в достижении целей уголовного судопроизводства. *Вестник экономической безопасности*. 2024;(4):117–119. DOI: 10.24412/2414-3995-2024-4-117-119.
6. Семенцов В.А. Обстоятельства, необходимые для квалификации деяния по уголовным делам о распространении фейков, и некоторые особенности их доказывания. *Российско-азиатский правовой журнал*. 2025;(1):110–117. DOI: 10.14258/ralj(2025)1.17.
7. Семькина Н.А., Садовникова Н.М. Особенности применения методов искусственного интеллекта при решении задачи мониторинга сетевого трафика с целью обнаружения атак. *Информационные и вычислительные технологии (ИВД)*. 2023;(100(4)):296–302.
8. Смирнова К.А., Смирнов Н.Н. Цифровые доказательства в уголовном процессе. *Право и управление*. 2024;(5):564–566.
9. Телевицкая Ю.А. Выемка, осмотр и обыск в электронных сетях: понятие и разграничение. *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2022;(60(4)):238–242.
10. Яковлева К.Ю. Собираение доказательств, содержащих электронную информацию, в уголовном процессе (на примере осмотра). *Уголовное судопроизводство*. 2023;(1):40–44. DOI: 10.18572/2072-4411-2023-1-40-44.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Глиме́йда Виталий Витальевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

ORCID: 0000-0003-0279-9795

Author ID: 1130550

Оригинальная статья

<https://doi.org/10.31429/20785836-17-3-40-45>

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ИНСТИТУТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ УГРОЗАМ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Иманов С.Г.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Иманов С.Г. Уголовно-правовые институты противодействия угрозам национальной безопасности. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2025;17(3):40–45. <https://doi.org/10.31429/20785836-17-3-40-45>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Иманов Сархан Гуман-оглы, аспирант кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (918) 666-47-04

E-mail: han.sarkhan@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 30.07.2025

Статья принята к печати: 29.08.2025

Дата публикации: 29.09.2025

Аннотация: *Целью исследования* является анализ современного состояния уголовно-правовых институтов противодействия угрозам национальной безопасности России, выявление проблем их функционирования и определение перспективных направлений совершенствования в контексте новых вызовов и угроз.

Задачами исследования являются систематизация существующих механизмов противодействия угрозам, выявление пробелов в законодательстве, уточнение понятийного аппарата в сфере безопасности и оценка эффективности правовых инструментов в противостоянии современным угрозам различного характера. Особое внимание уделяется поиску оптимального соотношения между жесткими и компромиссными мерами в уголовной политике.

В исследовании применялись общенаучные и специально-юридические *методы*: системно-структурный анализ (для изучения уголовно-правовых институтов как элементов единой системы), формально-юридический метод (для анализа нормативно-правовых актов), сравнительно-правовой метод (для сопоставления различных подходов к уголовно-правовому обеспечению безопасности), метод правового моделирования (для разработки предложений по совершенствованию законодательства), доктринальный анализ (для исследования научных позиций по рассматриваемой проблематике).

В результате исследования были выявлены системные проблемы в уголовно-правовом обеспечении национальной безопасности России: фрагментарность и низкая адаптивность правовых институтов к современным вызовам. Определены ключевые компоненты правовой защиты и обоснована необходимость баланса между репрессивными и компромиссными элементами уголовной политики. Подтверждена потребность в единой концептуальной основе правового обеспечения безопасности и выявлены методологические трудности в формировании согласованного понятийного аппарата, что снижает эффективность регулирования и требует переосмысления законодательной стратегии с учетом многоаспектности и динамичности современных угроз.

Выводы исследования указывают на необходимость создания единой концептуальной основы уголовной политики в сфере национальной безопасности России, балансирующей репрессивные и компромиссные механизмы при соблюдении конституционных прав граждан. Требуется междисциплинарный подход, интегрирующий различные отрасли права, криминологические меры и технические средства противодействия угрозам. Необходима модернизация уголовно-правовых институтов для защиты цифрового суверенитета, противодействия гибридным угрозам и обеспечения

экономической устойчивости. Рекомендуется дифференцированное правовое регулирование с учетом специфики угроз в различных сферах безопасности для формирования эффективной и адаптивной системы защиты.

Ключевые слова: уголовное право, уголовно-правовые институты, уголовно-правовая политика, национальная безопасность, угрозы национальной безопасности, государственная политика

Введение

Национальная безопасность Российской Федерации в современных условиях становится одной из ключевых тем дискуссий как в научной, так и в узкоспециализированной сферах. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» определяет национальную безопасность как состояние защищенности национальных интересов от различных угроз¹. Однако в условиях современных глобальных вызовов и изменений необходимо более глубокое исследование аспектов, связанных с уголовно-правовым обеспечением защиты данных интересов. Цели данного исследования заключаются в анализе эффективности уголовно-правовых институтов в процессе реализации уголовно-правовой политики.

Методы исследования

Основными методами анализа явились системно-структурный, сравнительный, и правоприменительный подходы, которые позволяют оценить текущую практику в области защиты национальных интересов. Особое внимание уделено материалам научных исследований, что позволяет создать многоаспектное понимание различных подходов к обеспечению национальной безопасности через призму уголовного права.

Результаты исследования

В ходе исследования выявлены пробелы в уголовно-правовом обеспечении национальной безопасности. Установлено отсутствие единой концепции уголовной политики, что приводит к дестабилизации законодательства и снижению эффективности противодействия угрозам. Анализ показал, что современные уголовно-правовые институты недостаточно адаптированы к новым формам посягательств, включая информационные угрозы и гибридные формы агрессии. Отмечается необходимость дифференцированного подхода к определению преступлений против национальной безопасности. Исследование подтверждает важность обеспечения баланса между защитой национальных интересов и соблюдением конституционных прав граждан.

Научная дискуссия

Уголовно-правовые институты противодействия угрозам национальной безопасности России включают множество взаимосвязанных норм, составляющих системную защиту государственных интересов. К ним относятся: институт защиты конституционного строя и государственной целостности (статьи 275–284² УК РФ), охватывающий государственную измену, шпионаж, публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности; институт противодействия терроризму (статьи 205–205⁶ УК РФ), включающий террористический акт, содействие террористической деятельности, прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности; институт защиты общественной безопасности (статьи 205–227 УК РФ), куда входят нормы о бандитизме, организации преступного сообщества, незаконном обороте оружия; институт защиты экономической безопасности (глава 22 УК РФ); институт противодействия киберпреступности (статьи 272–274¹ УК РФ). В современных геополитических условиях эти институты сталкиваются с новыми вызовами, требующими адаптации и совершенствования.

Сегодня Россия противостоит гибридным угрозам, включающим информационные войны, санкционное давление, кибератаки на критическую инфраструктуру, попытки дестабилизации внутрисполитической обстановки через экстремистские и террористические группировки. Существующие уголовно-правовые институты демонстрируют определенную эффективность, однако требуют дальнейшего развития. В сфере противодействия информационным угрозам действующие нормы не всегда успевают за развитием технологий и новыми формами деструктивного воздействия в информационном пространстве. Особую сложность представляет транснациональный характер современных угроз, когда преступные действия иницируются из-за рубежа, что затрудняет применение национального уголовного законодательства. В экономической сфере существующие

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 [сайт]. Официальный интернет-портал правовой информации; 2025 [обновлено 02 июля 2021; процитировано 10 марта 2025]. Доступно: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001>.

нормы не в полной мере адаптированы к противодействию санкционному давлению и защите экономического суверенитета.

Важной проблемой остается отсутствие единой концепции уголовно-правового обеспечения национальной безопасности, что приводит к фрагментарности защиты и снижению ее эффективности. Для повышения результативности уголовно-правовых институтов требуется их систематизация и модернизация с учетом новых угроз, включая разработку норм, направленных на защиту цифрового суверенитета, противодействие гибридным формам агрессии, обеспечение технологической независимости.

Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» определяет национальную безопасность Российской Федерации как состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны.

Данное определение отражает системный подход к пониманию национальной безопасности, интегрирующий не только защиту государственного суверенитета, но и обеспечение благополучия граждан, соблюдение их конституционных прав и свобод. Такой комплексный подход требует адекватного правового обеспечения, в том числе средствами уголовного права, которое традиционно выступает инструментом защиты наиболее значимых общественных отношений и благ.

Как отмечает Е.С. Айсханова, в современных российских юридических исследованиях термин «безопасность» широко используется, часто подвергаясь манипуляциям с различными определениями (государственная, национальная, транснациональная), при этом отмечается его многогранность и отсутствие общепринятого понятийного аппарата в теории безопасности [1, с. 256].

Терминологическая неопределенность в этой сфере действительно создает серьезные методологические трудности для исследователей и правоприменителей. Отсутствие единого понимания категории «безопасность» приводит к разночтениям в формировании правовой основы обеспечения национальной безопасности. Важно подчеркнуть, что содержание понятия «безопасность» эволюционирует вместе с трансформацией вызовов и угроз, стоящих перед государством и обществом. В современных условиях это понятие выходит за рамки традиционного понимания защиты от военных угроз и включает экономические, экологические, информационные, эпидемиологические и иные аспекты защищенности национальных интересов.

Б.Б. Бидова обращает внимание на то, что национальная безопасность, также охватывает защиту здоровья и жизни, гражданских и имущественных прав, общественной и государственной безопасности от противоправной деятельности, радиационную и пожарную, промышленную безопасность опасных производств и безопасность транспортного сообщения, гарантируя защиту от соответствующих угроз и их негативных последствий [3, с. 64].

Позиция акцентирует внимание на многоаспектности и комплексности понятия национальной безопасности, которое охватывает широкий спектр сфер жизнедеятельности общества и государства. Такая трактовка предполагает необходимость разработки дифференцированных подходов к уголовно-правовой охране различных аспектов национальной безопасности с учетом специфики соответствующих общественных отношений.

А.К. Рожкова, отмечает, что «анализ политики национальной безопасности Российской Федерации позволил выявить ряд проблемных моментов, основной из которых – внутренние аспекты нашего государства, включая социально-экономические аспекты. Современная реальность представляет угрозы, такие как организованная преступность, терроризм, экстремизм, сепаратизм, социальное неравенство и технологическая отсталость» [11, с. 157].

Ю.А. Бирюкова и Ю.А. Чернышева включают в перечень стратегических задач государственной и общественной безопасности защиту конституционного строя, суверенитета, государственной и территориальной целостности Российской Федерации, основных прав и свобод человека и гражданина, сбережения гражданского мира, политической и социальной постоянности в обществе, защиту населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера [4, с. 166].

Выделенные задачи наглядно демонстрируют многоаспектный характер национальной безопасности, интегрирующий различные уровни и сферы общественных отношений. В этой концепции защита прав и свобод человека и гражданина рассматривается как неотъемлемый компонент национальной безопасности, что соответствует современным представлениям о

человекоцентричной модели государственного управления. Уголовно-правовое обеспечение перечисленных задач представляет собой важный элемент правового института обеспечения национальной безопасности, поскольку именно уголовное право призвано реагировать на наиболее серьезные посягательства на охраняемые общественные отношения.

По мнению С.В. Воробьевой и О.Н. Козодаевой особая значимость законодательного обеспечения национальной безопасности России исходит из ряда важнейших обстоятельств:

- во-первых, для общественных структур это одна из самых закрытых сфер деятельности государства и здесь возможны проявления крайних форм субъективизма;
- во-вторых, реализация проблем национальной безопасности связана с большими материальными и людскими потерями;
- в-третьих, результаты политики, уголовно-правовой, в частности, в области безопасности касаются всех граждан государства, остро затрагивают их гражданские права и свободы, а также вызывают наибольший резонанс в обществе [6, с. 30].

Особенно актуальным представляется тезис о необходимости преодоления субъективизма в данной области, что возможно только при наличии четкой нормативной базы, основанной на конституционных принципах. Кроме того, автор обоснованно акцентирует внимание на социальных последствиях государственной политики в сфере безопасности, подчеркивая, что данная область затрагивает интересы всех граждан. Это особенно проявляется в уголовно-правовой сфере, где ошибки законодателя могут привести к необоснованному ограничению прав и свобод личности или, напротив, к ослаблению защиты важнейших общественных интересов.

Как отмечают И.Н. Андреев, конституционно-правовое обеспечение национальной безопасности в уголовном законодательстве базируется на принципах соблюдения основ государства и права, исключения произвола и необоснованного ограничения прав и свобод граждан, а также обеспечения соразмерности мер уголовной ответственности характеру и степени общественной опасности преступления [2, с. 108].

Особую значимость имеет указание на необходимость соблюдения принципа соразмерности при определении мер уголовной ответственности, что предполагает дифференцированный подход к квалификации преступлений против национальной безопасности с учетом характера и степени общественной опасности конкретных деяний.

Как отмечает Н.Э. Исмаиладзе, при реальной угрозе национальной безопасности государство в рамках уголовной политики применяет меры, включающие привлечение к уголовной ответственности лиц, посягающих на основы национальной безопасности, возможное снижение возраста уголовной ответственности, а также, при необходимости, освобождение от ответственности лиц, добровольно сдавшихся или оказавших содействие, включая членов преступных организаций [8, с. 72].

Наблюдение отражает специфику уголовной политики в области обеспечения национальной безопасности, характеризующуюся сочетанием репрессивных и стимулирующих мер.

Особое значение имеет институт деятельного раскаяния и компромиссные нормы, стимулирующие позитивное постпреступное поведение, что способствует раскрытию и предотвращению наиболее опасных преступлений. Вместе с тем, снижение возраста уголовной ответственности как мера реагирования на угрозы безопасности требует взвешенного подхода с учетом психологических особенностей несовершеннолетних и международных стандартов в области прав ребенка.

По мнению М.Ю. Воронина, для защиты всего спектра национальных интересов, требующей отказа от универсальных подходов ввиду разнообразия стратегических национальных приоритетов, эффективное обеспечение безопасности достигается за счет точечных и содержательных комплексов мер профилактического, уголовно-правового, уголовно-процессуального, криминалистического, оперативно-розыскного и уголовно-исполнительного характера, адаптированных к конкретным угрозам и приоритетам [7, с. 10].

Концепция подчеркивает необходимость дифференцированного подхода к обеспечению национальной безопасности с учетом специфики различных видов угроз. Отказ от универсальных шаблонных решений в пользу адресного реагирования представляется обоснованным в условиях многообразия и постоянной эволюции угроз безопасности. Следует согласиться с автором в том, что эффективное противодействие современным вызовам безопасности требует комплексного задействования различных правовых институтов.

По мнению А.С. Буллера, дестабилизация уголовного законодательства обусловлена отсутствием единой, научно обоснованной концепции государственной уголовной политики, которая должна выступать долгосрочной стратегией для поиска оптимальных мер противодействия

преступности и служить основой для уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства [5, с. 86].

На наш взгляд отсутствие концептуального единства приводит к частым, порой хаотичным изменениям уголовного законодательства, что негативно сказывается на правоприменительной практике и эффективности противодействия преступности в целом. Особенно остро эта проблема проявляется в области обеспечения национальной безопасности, где законодательные новеллы нередко являются реакцией на конкретные резонансные события без должного системного анализа их потенциальных последствий.

Концептуальная неопределенность уголовной политики приводит к размыванию границ уголовно-правового регулирования, чрезмерной криминализации и пенализации в одних сферах при одновременном ослаблении уголовно-правовой защиты в других. В результате нарушается системность уголовного законодательства, что создает значительные трудности для правоприменителей и снижает общую эффективность уголовно-правового воздействия на преступность.

Г.А. Мулликova и В.Л. Горичева обращают внимание на то, что в условиях реальной угрозы национальной безопасности государство использует уголовную политику, включающую привлечение к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления против национальной безопасности, возможное снижение возраста уголовной ответственности и, в определенных случаях, освобождение от уголовной ответственности членов преступных организаций за добровольную сдачу или содействие [10, с. 205].

Примечательно, что авторы подчеркивают не только репрессивную составляющую (привлечение к ответственности, снижение возрастного порога ответственности), но и компромиссные элементы (освобождение от ответственности при добровольном сотрудничестве). Такое сочетание жесткости и гибкости представляется оптимальным с точки зрения достижения целей уголовной политики в сфере обеспечения национальной безопасности.

Особого внимания заслуживает тезис о возможном снижении возраста уголовной ответственности как реакции на угрозы национальной безопасности. Данная мера требует крайне взвешенного подхода, поскольку затрагивает наиболее уязвимую категорию населения – несовершеннолетних. Снижение возраста уголовной ответственности может быть оправдано только в исключительных случаях, когда это действительно необходимо для защиты фундаментальных основ государственности, и должно сопровождаться соответствующими гарантиями соблюдения прав несовершеннолетних в уголовном процессе.

Мы солидарны с позицией Г.А. Мулликовой, утверждающей, что уголовное право играет ключевую роль в обеспечении национальной безопасности, являясь важным регулятором общепасных уголовно-наказуемых деяний, однако не все такие деяния автоматически относятся к преступлениям в сфере национальной безопасности [9, с. 455].

Данное замечание имеет принципиальное значение для правильного понимания места уголовного права в системе обеспечения национальной безопасности. Уголовное право действительно является одним из ключевых инструментов защиты важнейших национальных интересов, однако его роль не должна абсолютизироваться. Важно проводить четкое разграничение между преступлениями, непосредственно посягающими на основы национальной безопасности (например, государственная измена, шпионаж, диверсия), и иными общепасными деяниями, которые хотя и представляют значительную общественную опасность, но не затрагивают непосредственно национальную безопасность.

Такой дифференцированный подход позволяет избежать необоснованного расширения понятия «преступления против национальной безопасности» и связанной с этим чрезмерной криминализации. Вместе с тем, необходимо учитывать, что в современных условиях границы национальной безопасности расширяются, включая такие сферы как информационная, экономическая, экологическая безопасность, что требует соответствующей адаптации уголовно-правового регулирования.

Исходя из вышеуказанного мы пришли к следующим выводам:

1. Необходима единая концепция уголовной политики для стабильности и эффективности законодательства о нацбезопасности, включая долгосрочную стратегию.
2. Уголовная политика должна балансировать репрессии и компромисс для эффективного противодействия угрозам, соблюдая права граждан и принципы гуманизма.

3. Эффективная безопасность требует комплексного подхода, включая уголовное, процессуальное, уголовно-исполнительное право, криминологическую профилактику, и организационно-технические меры.

В заключение отметим, что уголовно-правовое обеспечение национальной безопасности представляет собой сложную, многоаспектную проблему, требующую системного научного осмысления и выработки концептуальных подходов к совершенствованию законодательства и правоприменительной практики. Эффективность уголовно-правовой политики в данной сфере зависит от правильного определения баланса между необходимостью защиты фундаментальных национальных интересов и обеспечением конституционных прав и свобод граждан. Только научно обоснованная, системная и последовательная уголовная политика может стать надежной гарантией защиты основ национальной безопасности Российской Федерации в современных условиях.

Список использованной литературы:

1. Айсханова Е.С. Уголовное право в системе правового обеспечения национальной безопасности. *Аграрное и земельное право*. 2020;(191(11)):254–257. DOI: 10.47643/1815-1329_2020_11_254.
2. Андреев И.Н. Уголовное законодательство как средство обеспечения национальной безопасности. *Вестник науки*. 2024;(78(4–9)):104–111.
3. Бидова Б.Б. Систематизирование отечественного уголовного законодательства на основе действующих приоритетов в вопросах обеспечения национальной безопасности. *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*. 2020;(126(11)):63–65.
4. Бирюкова Ю.А., Чернышева Ю.А. Роль уголовного права в системе обеспечения национальной безопасности. *Юность и знания – гарантия успеха – 2019: сборник научных трудов 6-й Международной молодежной научной конференции. Том 2 (Курск, 18–19 сентября 2019 г.)*. Курск; 2019.
5. Буллер А.С., Резяпов Д.В. Уголовное право в системе национальной безопасности России. Молодой ученый: сборник статей IV Международного научно-исследовательского конкурса (Пенза, 10 декабря 2021 г.). Пенза; 2021.
6. Воробьева С.В., Козодаева О.Н. Правовое обеспечение национальной безопасности Российской Федерации в свете современной уголовной политики. *Социально-политические науки*. 2020;(10–3):26–31. DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-26-31.
7. Воронин М.Ю. Уголовная политика как системный инструмент обеспечения национальной безопасности. *Актуальные проблемы сравнительного правоведения и юридической лингвистики: материалы Седьмой международной научно-практической конференции (Москва, 11–14 декабря 2023 г. Московский государственный лингвистический университет) / отв. ред. М.Ю. Воронин*. М.; 2025.
8. Исмаилзаде Н.Э. Роль уголовного права в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // *Молодежь и XXI век – 2024: сборник научных статей 13-й Международной молодежной научной конференции. В 3-х томах (Курск, 15–16 февраля 2024 г.)*. Курск; 2024.
9. Мулликova Г.А. К вопросу о роли уголовного права при реализации его норм в сфере обеспечения национальной безопасности России. *Социально-экономическое развитие России: проблемы, тенденции, перспективы: сборник научных статей участников 22-й Международной научно-практической конференции. В 2-х томах. Том 1 (Курск, 12 мая 2023 г.)*. Курск; 2023.
10. Мулликova Г.А. Горичева В.Л. Роль уголовного права в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. *Перспективы развития институтов права и государства: сборник научных статей 5-й Международной научной конференции / отв. ред. А.Н. Пенькова (Курск, 12 мая 2022 г.)*. Курск; 2022.
11. Рожкова А.К. К вопросу выделения новых видов национальной безопасности: идеологическая безопасность (потенциал Церкви). *Теория государства и права*. 2020; (19(3)):157–169. DOI: 10.25839/d4697-0609-1445-n.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Иманов Сархан Гуман-оглы

аспирант кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Оригинальная статья

<https://doi.org/10.31429/20785836-17-3-46-52>

ПЕРСПЕКТИВЫ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ФОРМАЛИЗАЦИИ ДОКАЗЫВАНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Костенко Р.В.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Костенко Р.В. Перспективы математической формализации доказывания в российском уголовном судопроизводстве. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2025;17(3):46–52. <https://doi.org/10.31429/20785836-17-3-46-52>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Костенко Роман Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (918) 440-53-25

E-mail: rom-kostenko@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 06.08.2025

Статья принята к печати: 05.09.2025

Дата публикации: 29.09.2025

Аннотация: В условиях возрастающей комплексности современного уголовного судопроизводства, детерминированной технологическим прогрессом и усложнением криминальной деятельности, особую актуальность приобретает проблема интеграции математических методов в традиционную парадигму уголовно-процессуального доказывания. Нормативное определение доказательств как «любых сведений» в ч. 1 ст. 74 УПК РФ создает концептуальную основу для применения информационно-теоретических подходов к анализу доказательственного процесса.

В зарубежной правовой науке активно развивается концепция байесовского рассуждения (*Bayesian reasoning*), предполагающая формализованную оценку доказательств через призму теории вероятностей. Традиционная доктрина российского уголовного процесса рассматривает оценку доказательств как качественный процесс, основанный на внутреннем убеждении, что создаёт противоречия с количественными методами математического анализа.

Цель настоящей работы состоит в исследовании возможностей математической формализации процесса доказывания в российском уголовном судопроизводстве на основе информационной теории К. Шеннона и байесовского анализа, а также формировании научно обоснованных предложений по модернизации доктринального подхода к оценке доказательств.

Для достижения поставленной цели решались следующие *задачи*: анализ фундаментальных положений теории информации применительно к доказательственному процессу; исследование совместимости байесовского подхода с принципами российского уголовного процесса; выявление препятствий к практическому применению математических методов; разработка концептуальных направлений интеграции информационно-теоретических подходов в отечественную правовую систему.

Методы исследования: системно-структурный анализ, сравнительно-правовой метод, формально-юридический метод, метод правового моделирования.

Результаты: 1) обоснована теоретическая возможность интерпретации доказательств как информационных сообщений в смысле теории К. Шеннона; 2) выявлена концептуальная совместимость байесовского подхода с традиционными принципами российского уголовного судопроизводства; 3) идентифицированы основные препятствия к практическому применению

математических методов формализации; 4) сформулированы направления эволюционного внедрения информационно-теоретических подходов.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, доказывание, теория информации, байесовский анализ, математическая формализация, оценка доказательств, внутреннее убеждение, презумпция невиновности.

Введение

Эволюция современного уголовного судопроизводства характеризуется нарастающей комплексностью доказательственных конструкций, детерминированной технологическим прогрессом, усложнением криминальной деятельности и императивом повышения объективности уголовно-процессуальных решений. В данном контексте приобретает особую научную значимость проблема интеграции математических методов в традиционную парадигму уголовно-процессуального доказывания.

Нормативное определение доказательств в ч. 1 ст. 74 УПК РФ как «любых сведений», посредством которых устанавливаются юридически значимые обстоятельства, создает концептуальную основу для применения информационно-теоретических подходов к анализу доказательственного процесса. Подобная формулировка непосредственно коррелирует с фундаментальными категориями теории информации, открывая возможности для математической формализации традиционных доктринальных конструкций.

В зарубежной правовой науке активно развивается концепция байесовского рассуждения (*Bayesian reasoning*), предполагающая формализованную оценку доказательств через призму теории вероятностей. Возникает закономерный научный вопрос: применимы ли аналогичные методологические подходы к российской континентальной правовой системе, учитывая её специфические процессуальные традиции и доктринальные особенности?

В отечественной научной литературе наблюдается определённый дефицит комплексных исследований по вопросу математической формализации доказательственного процесса. Существующие работы либо концентрируются на отдельных аспектах проблемы, либо рассматривают общие вопросы модернизации правосудия без углубленного анализа трансформации конкретных уголовно-процессуальных институтов. Между тем, процесс доказывания представляет собой сложносоставную интеллектуальную деятельность, каждый элемент которой по-разному взаимодействует с математическими методами формализации.

Настоящее исследование направлено на комплексное осмысление возможностей применения информационно-теоретических подходов к анализу доказательственного процесса в российском уголовном судопроизводстве. Особое внимание уделяется выявлению тех аспектов доказывания, которые поддаются математической формализации, и тех, которые требуют сохранения традиционного качественного подхода. На этой основе формулируются конкретные предложения по модернизации доктринальных подходов к оценке доказательств с учётом достижений современной математической науки при сохранении сущностных гарантий справедливости уголовного судопроизводства.

Методы исследования

Методология настоящего исследования обусловлена его целью и задачами, а также междисциплинарным характером изучаемой проблемы, находящейся на пересечении традиционных уголовно-процессуальных институтов и современных математических методов. Для всестороннего анализа перспектив математической формализации доказывания применялась совокупность взаимодополняющих научных методов, обеспечивающих достоверность и обоснованность полученных результатов.

Системно-структурный анализ позволил рассмотреть процесс доказывания как сложноорганизованную систему информационных взаимодействий, выявить внутренние элементы и взаимосвязи между ними. Сравнительно-правовой метод применялся для изучения зарубежного опыта применения математических методов в правовых системах различных типов. Формально-юридический метод обеспечил детальный анализ действующего уголовно-процессуального законодательства РФ, в первую очередь ст. 74 и 88 УПК РФ. Метод правового моделирования использовался для разработки перспективных направлений совершенствования подходов к оценке доказательств.

Результаты исследования

1. Информационно-теоретический анализ доказательственного процесса. Для понимания перспектив математической формализации процесса доказывания представляется необходимым обратиться к фундаментальным положениям теории информации. Клод Элвуд Шеннон (Claude Elwood

Shannon, 1916-2001), справедливо именуемый «отцом теории информации» и одним из архитекторов цифровой эпохи, в 1948 году опубликовал революционную работу «A Mathematical Theory of Communication» в журнале Bell System Technical Journal [21]. Данное исследование представляло попытку создания математической основы для понимания механизмов передачи и обработки информации.

Шеннон определил информацию не как традиционные «данные» или «факты», а как меру степени, в которой сообщение уменьшает неопределенность системы. Простой иллюстративный пример: если известно, что завтра будет либо дождь, либо солнце (вероятность 50/50), и поступает сообщение «завтра будет дождь», то данное сообщение несет в себе ровно 1 бит информации, поскольку полностью элиминирует неопределенность.

Шеннон также ввёл математическое понятие информационной энтропии – меры неопределенности системы. Формула выражается следующим образом: $H = -\sum p(i) \times \log_2 p(i)$, где $p(i)$ представляет вероятность i -го события. Чем выше энтропия системы, тем больше степень неопределенности. Каждое новое информационное сообщение потенциально способно уменьшить данную энтропию.

Применительно к сфере уголовно-процессуального доказывания теория Шеннона может быть интерпретирована следующим образом. Начальное состояние системы характеризуется высокой степенью неопределенности относительно события преступления (субъект преступления, способ совершения, временные параметры). Данное состояние описывается как высокая энтропия системы. Каждое доказательство функционирует как информационное сообщение, потенциально способное уменьшить данную энтропию. Свидетельские показания, вещественные доказательства, экспертные заключения и иные виды доказательств представляют собой «биты информации» в терминологии Шеннона.

Процесс доказывания представляет последовательное получение информационных сообщений (доказательств), каждое из которых снижает неопределенность относительно криминального события. Теория Шеннона предоставляет количественную меру для оценки «ценности» доказательства (объём информации, который оно содержит), в то время как байесовская статистика обеспечивает механизм обновления представлений о событии при поступлении новой информации.

Таким образом, к примеру, следователь инициирует расследование с максимальной энтропией (полная неопределенность), однако каждое новое доказательство не просто «присоединяется к материалам уголовного дела», а математически уменьшает неопределенность и байесовским способом обновляет вероятности различных гипотез. Если доказательства суть «любые сведения» в смысле ч. 1 ст. 74 УПК РФ, то доказательства одновременно представляют информацию в смысле теории Шеннона.

2. Байесовский подход к анализу доказательств. Развивая данную концепцию, следует обратиться к теореме Байеса, которая предоставляет математический аппарат для рационального обновления степени уверенности в гипотезе при поступлении новых данных: $P(H|E) = P(E|H) \times P(H) / P(E)$, где $P(H|E)$ – апостериорная вероятность гипотезы H после получения доказательства E ; $P(E|H)$ – вероятность получения доказательства E при условии истинности гипотезы H ; $P(H)$ – априорная вероятность гипотезы H ; $P(E)$ – общая вероятность получения доказательства E .

В контексте уголовного процесса H может представлять гипотезу виновности обвиняемого, а E – конкретное доказательство. Каждое новое доказательство позволяет обновить оценку вероятности виновности, создавая последовательность байесовских обновлений. Формально, если H обозначает энтропию системы до получения доказательства E , а $H(X|E)$ представляет условную энтропию после получения данного доказательства, то количество информации $I(E)$ определяется как: $I(E) = H(X) - H(X|E)$. Следовательно, ценность доказательства прямо пропорциональна количеству неопределенности, которое оно устраняет.

Практическое применение данного подхода может быть проиллюстрировано следующими примерами. Свидетельские показания, устанавливающие алиби обвиняемого, существенно снижают энтропию системы относительно его местонахождения в момент преступления. Напротив, показания, дублирующие уже установленную информацию, обладают нулевой информационной ценностью. Экспертные заключения, основанные на количественных данных (ДНК-анализ, дактилоскопия), предоставляют статистически обоснованные оценки вероятности $P(E|H)$, что делает их особенно ценными для байесовского анализа.

3. Совместимость с российской уголовно-процессуальной системой. Рассматривая возможности математической формализации в рамках российской уголовно-процессуальной системы, необходимо проанализировать совместимость с действующими положениями об оценке

доказательств. Статья 88 УПК РФ устанавливает, что каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела. Оценка производится по внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств.

Оценка доказательств на основе внутреннего убеждения, используемая в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве, представляет качественный, интуитивно-логический процесс, который принципиально отличается от формализованных количественных методов. Однако детальный анализ демонстрирует, что данный процесс содержит элементы, структурно схожие с байесовским рассуждением. При оценке нового доказательства субъект уголовно-процессуальной юрисдикции (следователь, судья) имплицитно решает следующие задачи: насколько данное доказательство правдоподобно при различных гипотезах о событии преступления? как оно согласуется с уже установленными фактами? в какой мере оно изменяет общую картину дела? Эти вопросы функционально эквивалентны оценке компонентов байесовской формулы, хотя и не предполагают численного выражения.

Презумпция невиновности, закрепленная в статье 49 Конституции РФ и в статье 14 УПК РФ, концептуально соответствует установлению низкой априорной вероятности виновности $P(H)$. Обвинение должно представить доказательства, достаточные для преодоления данной презумпции, что в байесовских терминах означает достижение апостериорной вероятности, превышающей определенный пороговый уровень. Стандарт доказанности «вне разумных сомнений», хотя и не закрепленный формально в российском законодательстве, может быть интерпретирован как требование достижения высокой (но не абсолютной) вероятности виновности.

4. Проблемы практического применения. Основным препятствием к применению байесовского подхода является сложность присвоения численных значений вероятности различным видам уголовно-процессуальных доказательств. Каким образом определить $P(E|H)$ для свидетельских показаний, учитывая множество факторов, влияющих на их достоверность: условия наблюдения, эмоциональное состояние свидетеля, временной интервал, индивидуальные особенности восприятия и памяти? Существующие попытки создания статистических баз данных о надёжности различных видов доказательств (в области ДНК-анализа, дактилоскопии) демонстрируют принципиальную возможность такого подхода, однако их распространение на все виды доказательств требует масштабной исследовательской работы.

Российская правовая традиция исторически ориентирована на качественный анализ доказательств. Попытки внедрения количественных методов могут встретить сопротивление со стороны практикующих юристов, воспринимающих математизацию как упрощение сложных правовых вопросов. Особую проблему представляет психологический аспект: готовы ли судьи, следователи, прокуроры оперировать численными вероятностями при решении вопросов о судьбе человека? Не противоречит ли это гуманистическим принципам правосудия?

Байесовский подход требует установления исходных вероятностей $P(H)$ для различных гипотез. В идеале, согласно презумпции невиновности, априорная вероятность виновности должна быть близка к нулю. Однако на практике следователи и судьи часто формируют предварительные представления об обстоятельствах совершённого преступления на основе косвенных признаков, что может привести к завышению априорной вероятности и систематическим ошибкам в оценке доказательств.

5. Направления интеграции математических методов. С учётом выявленных проблематичных аспектов, наиболее реалистичным представляется эволюционный подход к интеграции математических методов в российский уголовный процесс. Первый этап может включать применение байесовского анализа в экспертной деятельности, где уже существует традиция работы с количественными данными. Экспертные заключения могли бы включать не только выводы о наличии или отсутствии определённых признаков, но и статистические оценки их значимости. Второй этап предполагает разработку компьютерных систем поддержки принятия решений, которые не заменяют «внутреннее убеждение», но структурируют процесс оценки доказательств и повышают его прозрачность.

Байесовский подход может существенно улучшить качество мотивировочной части уголовно-процессуальных решений. Вместо общих формулировок о «достоверности показаний» или «убедительности доказательств» профессиональные участники уголовного судопроизводства могли бы более детально объяснять логику своих выводов, демонстрируя, как каждое доказательство влияет на общую оценку обстоятельств уголовного дела. Внедрение элементов статистического мышления в юридическое образование может способствовать формированию более рационального подхода к

оценке доказательств. Юристы должны понимать основные принципы теории вероятностей, различать корреляцию и причинность, осознавать влияние когнитивных искажений на процесс принятия решений.

Научная дискуссия

В научном сообществе наблюдается дискуссия относительно перспектив математической формализации доказательственного процесса. Часть исследователей настаивает на неизменности традиционных подходов к оценке доказательств в уголовном судопроизводстве, подчёркивая гуманистическую природу правосудия и невозможность сведения сложных правовых вопросов к математическим формулам. По их мнению, внутреннее убеждение субъектов, оценивающих доказательства, представляет собой гносеологическую основу справедливого уголовного судопроизводства, которая не может быть формализована посредством численных методов [6, с. 156–160; 10, с. 444–448; 11, с. 435–442; 13, с. 417–420; 15, с. 189–193].

Другие учёные придерживаются более гибкого подхода, допуская адаптацию отдельных элементов доказательственного процесса к новым методологическим возможностям [1, с. 205–208; 2, с. 92–98; 4, с. 244–247; 8, с. 406–412; 14, с. 692–694]. Они отмечают, что современные методы должны дополнять, а не заменять традиционные подходы к оценке доказательств по уголовным делам. Поэтому ключевым является не механическая замена качественной оценки доказательств (на основе внутреннего убеждения) количественными расчётами, а создание интегрированной системы оценки, использующей преимущества обоих подходов.

Особую группу образуют исследования, авторы которых обращают внимание на возможности применения искусственного интеллекта и машинного обучения в анализе доказательств. В данных работах отмечается, что современные алгоритмы искусственного интеллекта способны обрабатывать большие массивы данных и выявлять скрытые закономерности, недоступные традиционному анализу [3, с. 47–53; 5, с. 147–159; 7, с. 138–144; 9, с. 57–61; 12, с. 73–80; 16, с. 83–87].

Зарубежный опыт демонстрирует активный поиск баланса между традиционными институтами уголовного процесса и требованиями современной эпохи. В англосаксонской правовой науке активно развиваются концепции, связанные с применением статистических методов в правовых исследованиях [17; 20].

В странах континентальной правовой семьи также наблюдается интерес к возможностям математической формализации отдельных аспектов уголовно-процессуального доказывания, хотя этот процесс идёт более осторожно, с учётом традиций инквизиционного (розыскной) модели уголовного процесса [18; 19; 22].

Зарубежное научное сообщество активно разрабатывает новые подходы к применению байесовского анализа в правовых исследованиях. Так, можно выделить концепцию «вероятностного правосудия», согласно которой правовые решения должны основываться на статистически обоснованных оценках вероятности различных гипотез. Интересна также предложенная концепция «алгоритмического правосудия», предполагающая использование машинного обучения для анализа доказательств и прогнозирования исходов уголовных дел. Вместе с тем, зарубежные исследователи обращают внимание на этические проблемы, связанные с применением алгоритмов в правосудии. Отмечается риск создания «черного ящика», когда решения принимаются на основе алгоритмов, логика которых недоступна для понимания участников уголовного судопроизводства. Подчёркивается также опасность воспроизведения и усиления существующих предрассудков и дискриминационных практик через алгоритмические системы.

На наш взгляд, наиболее перспективным представляется эволюционный подход к интеграции математических методов, предполагающий постепенное внедрение байесовского мышления в экспертную деятельность, разработку систем поддержки принятия уголовно-процессуальных решений и реформирование высшего юридического образования. Ключевым фактором успешной адаптации является не механическое копирование зарубежных моделей, а их творческая интеграция с национальными правовыми традициями. Байесовский анализ должен дополнять, а не заменять традиционные методы оценки доказательств в уголовном процессе.

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие научные выводы.

Информационный подход к доказательствам, основанный на теории К. Шеннона и байесовской статистике, предоставляет теоретически обоснованную модель для формализации процесса доказывания в уголовном судопроизводстве. Концепция доказательства как информационного сообщения, уменьшающего энтропию системы относительно события преступления, создает математическую основу для количественной оценки доказательственного процесса.

Российская уголовно-процессуальная система содержит концептуальные элементы, совместимые с байесовским подходом: презумпция невиновности соответствует низкой априорной вероятности, принцип состязательности создаёт механизм представления альтернативных оценок доказательств, а требование мотивировки уголовно-процессуальных решений коррелирует с необходимостью эксплицитного обоснования выводов о вероятности гипотез.

Вместе с тем, существуют значительные препятствия к полной формализации российского уголовного процесса через байесовскую модель: проблемы квантификации доказательств, культурно-правовые барьеры и сложности определения априорных вероятностей. Данные ограничения требуют осторожного подхода к практическому применению математических методов.

Наиболее перспективным представляется эволюционный подход к интеграции математических методов, предполагающий постепенное внедрение байесовского мышления в экспертную деятельность, разработку систем поддержки принятия уголовно-процессуальных решений и реформирование высшего юридического образования. Байесовский подход не должен рассматриваться как универсальное решение всех проблем доказывания, но может стать ценным инструментом повышения рациональности, прозрачности и обоснованности решений по уголовным делам. Успех такой интеграции зависит от готовности юридического сообщества к восприятию новых методов и способности адаптировать их к национальным правовым традициям.

Дальнейшие исследования в данном направлении должны сосредоточиться на разработке практических методик применения информационно-теоретических подходов в конкретных категориях уголовных дел, создании баз статистических данных о надёжности различных видов доказательств и изучении психологических аспектов восприятия вероятностной информации участниками уголовного процесса.

Список использованной литературы:

1. Веревошников Е.А. О некоторых вопросах совершенствования института оценки доказательств в уголовном процессе. *Актуальные проблемы современного права в научных исследованиях молодых ученых-юристов: сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции магистров, аспирантов и соискателей (Москва, 22 марта 2024 г.)*. М.: Всероссийский государственный университет юстиции; 2024.
2. Кобзарев Ф.М., Юдина Э.И. О дифференцированном подходе к оценке доказательств и их достаточности в уголовном процессе. *Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации*. 2024;(1):92–98. DOI: 10.54217/2588-0136.2024.39.1.011.
3. Кондрашин П.В. Искусственный интеллект в уголовном судопроизводстве. *Вестник Бурятского государственного университета. Юриспруденция*. 2025;(1):47–53. DOI: 10.18101/2658-4409-2025-1-47-53.
4. Короленко И.И., Семановский Н.Д. Свобода оценки доказательств в уголовном процессе. *Наукофера*. 2025;(1–1):244–247. DOI: 10.5281/zenodo.14554137.
5. Костенко Р.В. Трансформация механизмов обеспечения прав участников досудебного производства через призму автономного искусственного интеллекта: от вспомогательного инструмента к самостоятельному гаранту правовой защиты. *Обеспечение прав участников в досудебных стадиях уголовного судопроизводства: материалы Всероссийской научно-практической конференции Кубанский государственный университет (Краснодар, 28 марта 2025 г.)*. Краснодар: Кубанский государственный университет; 2025.
6. Кузнецов М.С. Критика формальной теории оценки доказательств в уголовном процессе: пять главных упреков. *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2024;(2):156–160. DOI: 10.36511/2078-5356-2024-2-156-160.
7. Ларичева К.А. Перспективы внедрения искусственного интеллекта в уголовное судопроизводство. *Проблемы уголовного судопроизводства: сборник научных статей и докладов Всероссийской научно-практической конференции (Орёл, 12 февраля 2025 г.)*. Орёл: РАНХиГС при Президенте РФ; 2025.
8. Некрасова А.С. Проблемы собирания, проверки и оценки доказательств в уголовном процессе: актуальные вызовы и перспективы совершенствования. *Вестник науки*. 2023;(11(3)):406–412.
9. Порохов М.Ю., Федорова А.С. Искусственный интеллект в судебной деятельности от идеи к применению. *Российский судья*. 2024;(8):57–61. DOI: 10.18572/1812-3791-2024-8-57-61.
10. Романова Г.В. Проблемы реализации принципа свободы оценки доказательств в уголовном процессе. *Правотворчество и применение права: тенденции развития правовых концепций и отраслевых правовых институтов: сборник статей X Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию Верховного Суда Российской Федерации (Казань, 20 октября 2022 г.)*. Казань: Отечество; 2023.
11. Руденко А.В. Закономерности формирования внутреннего убеждения субъектов доказывания при оценке доказательств. *30 лет юридической науки КУБГАУ: сборник научных трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Краснодар, 10 декабря 2021 г.)*. Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина; 2021.
12. Рябцева Е.В. Проблема использования искусственного интеллекта в уголовном правосудии. *Всероссийский криминологический журнал*. 2023;(17(1)):73–80. DOI: 10.17150/2500-1442.2023.17(1).73-80.

13. Таилова А.Г., Алиева Р.Г. Роль внутреннего убеждения судьи в уголовном судопроизводстве. *Евразийский юридический журнал*. 2024;(9):417–420.
14. Тихонова К.Б. Аналитика как ключевой элемент правил оценки доказательств в уголовном процессе. *Юридическая техника*. 2024;(18):692–694.
15. Харланова М.Д. К вопросу о процессуальных пределах формирования внутреннего убеждения субъектами оценки доказательств в уголовном процессе. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2023;(5):189–193. DOI: 10.23672/SAE.2023.39.20.002.
16. Чуканова Е.С., Бабченко А.И. Искусственный интеллект и правосудие: миф или реальность. *Уголовная юстиция*. 2024;(23):83–87. DOI: 10.17223/23088451/23/13.
17. Allen R.J. Theorising Evidence Law. *Oxford Journal of Legal Studies*. 2023;(43):629–634 [сайт]. Oxford Academic; 2025 [обновлено 15 марта 2023; процитировано 05 сентября 2025]. Доступно: <https://academic.oup.com/ojls/article/43/3/629/7140384>.
18. Chen L., Wang Y., Zhang M. Bayesian deep learning: An enhanced AI framework for legal reasoning alignment. *ScienceDirect*. 2024;(15):245–267 [сайт]. ScienceDirect; 2025 [обновлено 20 января 2024; процитировано 05 сентября 2025]. Доступно: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0267364924001390>.
19. Fenton N., Neil M. Bayesian reasoning and the prior in court: not legally normative but unavoidable. *Law, Probability and Risk*. 2024;(23):112–128 [сайт]. Oxford Academic; 2025 [обновлено 10 февраля 2024; процитировано 05 сентября 2025]. Доступно: <https://academic.oup.com/lpr/article/23/1/mgae001/7631332>.
20. Koehler J. Bayesian Analysis as a Framework for (Legal) Thinking. *Georgetown Law Technology Review*. 2020;(4):384–402 [сайт]. Georgetown Law Technology Review; 2025 [обновлено 15 мая 2020; процитировано 05 сентября 2025]. Доступно: <https://georgetownlawtechreview.org/bayesian-analysis-as-a-framework-for-legal-thinking/>.
21. Shannon C.E. A Mathematical Theory of Communication. *Bell System Technical Journal*. 1948;(27(3)):379–423; (27(4)):623–656. DOI: <https://doi.org/10.1002/j.1538-7305.1948.tb01338.x>.
22. Taroni F., Bozza S., Biedermann A., Aitken C. Bayes and the Law. *PMC (PubMed Central)*. 2016;(8):156–174 [сайт]. PubMed Central; 2025 [обновлено 20 августа 2016; процитировано 05 сентября 2025]. Доступно: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC4934658/>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Костенко Роман Валерьевич

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Оригинальная статья

<https://doi.org/10.31429/20785836-17-3-53-58>

ПРЕДМЕТ ДОКАЗЫВАНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДОКТРИНЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

Никитин В.И.

Главное следственное управление
Следственного комитета Российской Федерации
по Республике Крым и г. Севастополю
(пр-т Кирова, д. 47/2, г. Симферополь, Россия, Республика Крым, 295017)

Ссылка для цитирования: Никитин В.И. Предмет доказывания и его оценка в отечественной доктрине уголовно-процессуального права. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2025;17(3):53–58. <https://doi.org/10.31429/20785836-17-3-53-58>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Никитин Виктор Игоревич, старший следователь следственного отдела по Центральному району г. Симферополя Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Крым и г. Севастополю, старший лейтенант юстиции

Адрес: пр-т Кирова, д. 47/2, г. Симферополь, Россия, Республика Крым, 295017

Тел.: + 7 (3652) 799-723

E-mail: v-nikitin-i001@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 07.08.2025

Статья принята к печати: 06.09.2025

Дата публикации: 29.09.2025

Аннотация: В соответствии с представлениями, сложившимися в науке, деятельность представляет собой «преднамеренную активность человека» [20, с. 315], а ее основными элементами служат «целенаправленность и предметность» [10, 12]. При этом используемое в литературе выражение ««беспредметная деятельность» лишено всякого смысла» [7, с. 44].

Приведенные положения достаточно точно указывают на определяющее значение предмета для любой деятельности, включая уголовно-процессуальное доказывание, которое должно обладать собственным предметом. Предусмотренные ч. 1 и ч. 2 ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) обстоятельства создают такой предмет для уголовно-процессуальной деятельности.

Научный интерес к предмету доказывания обусловлен несколькими факторами. В их числе терминологический, позволяющий сформулировать совокупность признаков и дать научное определение предмету доказывания. Оценочный фактор, благодаря которому возможно составить представление о целевом назначении предмета доказывания в уголовном судопроизводстве. Оба отмеченных фактора с учетом современных достижений науки уголовного процесса демонстрируют актуальность уточнений как сущностных характеристик предмета доказывания, так и его функционала.

Наряду с терминологией и функционалом предмета доказывания проблему для уголовного судопроизводства составляет формализованность его содержания (вызывающая, как представляется, уместную критику ученых и практиков, справедливо отмечающих связанные с формализацией трудности). Отметим и еще одну важную часть современных исследований – это направление дифференциации (разнообразия) уголовно-процессуальной формы, когда для альтернативных форм не предусматривается соответствующее изменение предмета доказывания.

Выделенные проблемы составляют значимую часть всего объема научных исследований, проводимых в настоящее время в сфере уголовно-процессуального доказывания. Их разрешение обуславливает возможность дальнейшего совершенствования уголовно-процессуального законодательства и практики его применения.

В этом заключается актуальность данного исследования, а новизна его результатов позволяет прогрессивно развивать теоретические и практические аспекты доказывания в уголовном судопроизводстве.

Цель настоящей работы – получение новых и дополнительных знаний о сущности, функциональном предназначении и значимости предмета доказывания, позволяющих уточнить доктринальные представления об этой правовой и научной конструкции и сформулировать предложения по ее дальнейшему развитию.

В числе решаемых *задач* отметим основные: комплексный анализ перечня обстоятельств, подлежащих доказыванию, закрепленного в УПК РФ; критическая оценка доктринального подхода к определению роли и значения перечня обстоятельств, предусмотренных в ст. 73 УПК РФ, для уголовного судопроизводства и сферы доказывания, в частности; исследование теоретико-правовой значимости указанного перечня и проверка научной состоятельности его доктринального восприятия как предмета уголовно-процессуального доказывания и его целевого назначения.

Методы исследования: описательный, комплексный аналитический, в том числе системно-структурный и системно-функциональный, синтезирование, обособление, прогностический.

Результаты: получены данные, позволяющие сформировать и обосновать гипотезу о необходимости пересмотра доктринальных представлений о содержании, правовой значимости совокупности обстоятельств, предусмотренных в ст. 73 УПК РФ; предлагается новый термин «объект доказывания», который содержательно включает комплекс элементов об обстоятельствах, имеющих правовое значение и их обязательном свойстве – доказанности; выдвинуты предложения, касающиеся направлений совершенствования указанной совокупности обстоятельств за счет расширения дифференциации. Критически оценивается категория «предмет доказывания» как средство целеполагания для уголовно-процессуального доказывания. Сформулированы прогнозы по дальнейшему развитию совокупности обстоятельств, подлежащих доказыванию в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: деятельность, уголовное судопроизводства, доказательственная деятельность, предмет доказывания, цель доказывания, дифференциация.

Введение

Уголовное судопроизводство в сравнении с любым другим видом деятельности обладает весьма существенными особенностями. Действия, даже похожие по содержанию на те, что проводятся в иных правовых сферах, осуществляются в специфических формах, допускающих подчас критический уровень ограничения прав граждан (заключение под стражу), юридических лиц (арест имущества) и иных субъектов уголовно-процессуальных отношений. Правоограничительная сущность уголовного судопроизводства требует особых правил и установления дополнительных требований к содержанию уголовно-процессуальной деятельности, чтобы достигаемые в ее рамках результаты были объективны, допустимы, проверяемы и обоснованы.

Особенно большое внимание уделяется вопросам получения сведений, позволяющих принимать законные и обоснованные уголовно-процессуальные решения и осуществлять на их основе действия. В числе таких актуальных вопросов с полным правом можно назвать предмет доказывания, исследование которого ведутся постоянно, что позволило раскрыть сущность предмет доказывания, его основные и факультативные признаки. В то же время сохраняются вопросы, свидетельствующие о проблемах теоретического и практического характера, на которые указывают научные источники [1, с. 12; 4, с. 76; 5, с. 38; 6, с. 150; 16, с. 138; 21] и правоприменительные акты¹.

Важная проблема заключается в позиционировании предмета доказывания как цели уголовно-процессуального доказывания.

Не менее значимую теоретико-прикладную проблему составляет определение перспективных направлений совершенствования совокупности обстоятельств, подлежащих доказыванию. В этой сфере до настоящего времени преобладают скорее консервативные позиции, в соответствии с которыми перечень ст. 73 УПК РФ включает *все (здесь и далее курсив наш. – В.Н.)* существенные для уголовного дела обстоятельства [2; 9].

¹ См., напр.: Апелляционное определение Краснодарского краевого суда от 20 октября 2021 г. по делу № 33-20358/2021, 2-147/2021, в котором сформулировано требование о взыскании ущерба в порядке регресса, в удовлетворении которого было отказано.

Методы исследования

Описательный метод позволил подробно представить объективно существующую ситуацию, с изложением в законодательных актах совокупности обстоятельств, подлежащих доказыванию, что стало предпосылкой для последующего их комплексного анализа.

Аналитическая работа сделала возможным определение состава и основных признаков деятельности в общем значении, уголовно-процессуальной деятельности и уголовно-процессуального доказывания, его предмета и структуры.

Методом обособления достигнуто выделение специфических черт и признаков уголовно-процессуальной деятельности (основной уровень) и такой ее части как уголовно-процессуальная доказательственная деятельность (сегмент). Доказано, что уголовно-процессуальная деятельность в целом и ее сегменты основываются на общих положениях теории деятельности. При этом дополнительные требования, сопровождающие уголовно-процессуальную деятельность, обуславливают ее особенности, не изменяя принципиальных основ ее построения, структуры, организации и осуществления.

Посредством системно-функционального метода выявлены противоречия в организации доказательственного сегмента уголовно-процессуальной деятельности (в части определения и постановки цели).

Путем метода гипотетического синтеза сформулировано предположение о невозможности отождествления совокупности обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК РФ, с целью доказывания, а также предложены иные объяснения для целеполагания в доказательственной уголовно-процессуальной деятельности.

Прогностический метод позволил сформулировать перспективные направления развития совокупности обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ

Результаты исследования

1. Основные положения теории деятельности предполагают обязательное наличие предмета в основе любой человеческой активности, поэтому присутствие в уголовно-процессуальной доказательственной деятельности предмета является закономерным и необходимым. Однако сложившиеся доктринальные представления о предмете доказывания не соответствуют положениям, сформулированным в теории о предмете деятельности, что позволяет выдвинуть гипотезу о необходимости уточнения взглядов на совокупность обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК РФ.

2. Перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию, не следует отождествлять с целью как уголовно-процессуальной деятельности в целом, так и с целью доказательственной деятельности. В связи с чем преобладающая научная позиция по оценке так называемого предмета доказывания, как целевой установки доказывания, представляется, нуждается в пересмотре.

3. Сформулирована гипотеза о возможности дифференциации совокупности обстоятельств, подлежащих доказыванию, и представлено ее авторское обоснование.

Научная дискуссия

В современном научном пространстве присутствует такое направление исследования как теория деятельности, зарождение и последующее ее активное развитие позволило получить весьма интересные данные об организации, построении и структуре человеческой деятельности.

Полагаем, бесспорным является утверждение о том, что уголовно-процессуальная деятельность и любые составляющие ее элементы, включая доказывание, должна формироваться на общих научных основах, разработанных в соответствующей теории. Рассматривая доказывание как часть уголовно-процессуальной деятельности есть основание утверждать, что оно (доказывание) должно строиться в соответствии с указанными общими теоретическими основами и соответствовать признакам предмета, выделяемым в теории деятельности.

Приведем положения теории деятельности, относящиеся к предмету. Предмет входит в число главных характеристик трудовой деятельности, наряду с целью, задачами, мотивацией, структурой. Предмет деятельности рассматривается как некая потребность субъекта, которая «существует в двоякой форме: и как внешний относительно субъекта объект, вещь, и как ... образ, порожденный в сознании субъекта» [8, с. 98]. А.Н. Леонтьев подчеркивал основное различие между видами деятельности – это их предмет и считал, что предмет деятельности «придает ей определенную направленность»¹ [8, с. 104]. Исходя из этого, предмет деятельности – системообразующий элемент любой деятельности, воплощающий в себе определенную потребность. Существенным является и то,

¹ См.: Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения: учеб пособие для вузов. М.: Изд. центр «Академия», 2004. 304 с.

что предмет определяет направленность деятельности. Подчеркнем, что речь не идет о цели, а только о направленности.

Предмет доказывания в уголовном судопроизводстве понимается как совокупность устанавливаемых по уголовному делу обстоятельств [14, 15, 17, 18]. Это сложившаяся научная позиция, хотя встречаются и другие. Например, Е.В. Погосян считает, что «предмет доказывания – это процессуальный термин, который с точки зрения познания представляет собой скорее *объект...*» [13, с. 87].

Повод для дискуссии в указанных случаях нам видится в том, что доктринальное восприятие предмета доказывания оказывается неточным – это *устанавливаемые* обстоятельства. Но есть и иные причины. Так, если применить положения теории деятельности к уголовно-процессуальному доказыванию, то предметом должна быть некая потребность, которая вряд ли может выразиться только лишь в совокупности обстоятельств. Тем более, что законодатель отмечает необходимость *доказывания* перечисленных обстоятельств. Соответственно трактовка предмета доказывания должна включать совокупность не устанавливаемых, а *доказанных обстоятельств*. Именно *доказанность* представляет собой свойство, основной признак обстоятельств, включенных в предмет доказывания, выражающих объективную потребность, ради удовлетворения которой предпринимаются усилия в рамках уголовно-процессуальной доказательственной деятельности.

Изменение расстановки акцентов при определении предмета доказывания имеет не только терминологический и теоретический характер. Полагаем, что уточнение формулировки предмета доказывания позволит создать и условия для четкости в определении направленности деятельности именно по *доказыванию* указанных обстоятельств. Это особенно важно в свете того, что в доктрине и в уголовно-процессуальном законодательстве применительно к совокупности обстоятельств, перечисленных в ст. 73 УПК РФ, используются и иные способы «выявление», «установление», не имеющие четкого правового содержания и формы [3].

Доказанность означает, что установление и проверка указанных обстоятельств возможны исключительно на основании фактических данных, обладающих свойствами относимости, допустимости и достоверности, а в совокупности – достаточности. И в этой части отметим подходы судебной практики к установлению обстоятельств, включенных в число подлежащих доказыванию. В решениях по конкретным уголовным делам не единичные случаи, когда вышестоящие инстанции отменяют решения судов первой инстанции в связи с недоказанностью обстоятельств, входящих в указанный перечень¹.

Подчеркнем, что определенное искажение в восприятии предмета доказывания сложилось именно на доктринальном уровне. Законодатель верно определил и применил формулировку в ст. 73 УПК РФ – «обстоятельства, подлежащие доказыванию». Однако терминологическая непоследовательность в законе и использование в дальнейшем иных понятий породили проблему по уяснению действительного смысла, подвели ученых к возможности неоднозначной интерпретации этого законодательного положения.

Предлагаемое уточнение доктринального истолкования предмета позволяет и более четко сформулировать цель доказывания. Рассматривая цель, как желаемый результат, вряд ли можно выделить только сами обстоятельства. Но достижение определенного качества этих обстоятельств – *доказанные обстоятельства* – становится вполне реальным желательным результатом всего уголовно-процессуального доказывания.

Вышеизложенное позволяет утверждать, что *предмет доказывания в уголовном судопроизводстве* – это *комплексная правовая конструкция, состоящая из обстоятельств, имеющих законодательное закрепление в силу особой правовой значимости для принятия процессуальных решений и их свойства доказанности*, приобретение которого обусловлено проведением доказательственной деятельности по их выявлению, получению и проверке исключительно

¹ Напр.: «... суд первой инстанции, рассматривая уголовное дело в общем порядке, не убедился в правильном определении места совершения инкриминируемого деяния. ... Исходя из исследованных материалов уголовного дела ... преступление имело место в селе А. В то же время со стадии предъявления обвинения местом совершения преступления указан город Б., что также было отражено в обвинительном заключении и приговоре суда. Изменение места совершения преступления – существенное изменение предъявленного обвинения, нарушающее права обвиняемого на защиту. Поскольку существенное нарушение УПК допущено в стадии предварительного следствия, это нарушение неустранимо в судебном заседании, и суд возвратил дело прокурору на основании п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ» (Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 20 января 2022 г. № 77-84/2022 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»).

посредством *процессуальных доказательств*, а *цель доказывания* – совокупность доказанных обстоятельств, имеющих значение для формирования правовых выводов.

В свете высказанного мнения представляется, что предмет доказывания не вполне передает смысловую нагрузку и более верным является *объект доказывания*.

Еще одна проблема, которая представляется актуальной применительно к доктринальному пониманию предмета доказывания – это его универсальность, т. е. применимость к любой категории уголовных дел.

Отметим, что такое представление сформировалось на объективных основаниях. В числе обстоятельств, включенных в ст. 73 УПК РФ, указаны только те, которые имеют уголовно-правовой характер и каждое в отдельности порождает правовые последствия. Например, некоторые обстоятельства позволяют дать уголовно-правовую квалификацию деянию, другие – определить степень виновности обвиняемого, третьи – решить вопрос о размере возмещения ущерба/вреда и др.

В то же время правильными представляются шаги ученых в направлении развития указанной в ст. 73 УПК РФ совокупности обстоятельств, подлежащих доказыванию. В литературе отмечается, что единый предмет доказывания не исключает «выделения его особенностей, которые необходимо учитывать при производстве по определенным видам уголовных дел»¹. Предлагается расширить совокупность обстоятельств, подлежащих доказыванию за счет включения факта принадлежности обвиняемому орудий, оборудования и иных средств совершения преступления [12].

Приведем и следующую позицию: «деятельность по сокрытию криминального актива не является частью предмета доказывания до тех пор, пока в ней не обнаружатся признаки иного преступления, например легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем (если эти признаки к тому же будут искать)» [19, с. 12].

В этом высказывании видится сразу два аспекта, требующих внимания:

– дифференциация совокупности обстоятельств, подлежащих доказыванию;

– позиционируемая нестабильность этой совокупности, когда в число подлежащих доказыванию включаются обстоятельства лишь при определенных условиях.

Нам такой подход представляется не верным, поскольку стабильность перечня подлежащих доказыванию обстоятельств обеспечивает и стабильность всей уголовно-процессуальной деятельности.

В противовес предложениям о дополнении совокупности обстоятельств, подлежащих доказыванию, Е.Е. Шатайлюк высказывается критика высокой структурированности и формализованности совокупности обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК РФ [19].

И в этом направлении также есть повод для размышлений. Обобщение практических материалов показало, что приведенная совокупность подлежащих доказыванию обстоятельств способствует единой направленности только отдельных этапов уголовно-процессуальной деятельности.

В других ее сегментах (например, в стадии возбуждения уголовного дела, при осуществлении судебно-контрольной деятельности в досудебном производстве и др.) отсутствие соответствующих установлений лишает уголовно-процессуальную деятельность предмета. Действительно, должны ли суд, следователь, дознаватель *доказывать* обстоятельства, необходимые для принятия решений, например, о применении к обвиняемому меры пресечения?

Следователи, дознаватели и судьи в таких ситуациях нередко испытывают затруднения. Например, «с учетом всех установленных по делу обстоятельств, отсутствия *подтвержденных доказательствами сведений* (иными словами – доказанных: В.Н.) ..., суд апелляционной инстанции приходит к выводу, что ходатайство следователя о продлении в отношении обвиняемого К. срока меры пресечения в виде заключения под стражу не подлежит удовлетворению»². Однако формирование указанной практики идет «в разрез» с тем, что законодатель в ст. 73 УПК РФ не предусматривает доказывание указанных судом в своем решении обстоятельств. Соответственно, такого рода сведения могут быть установлены любым иным путем, а не только на основании доказательств.

В вопросе о возможности дифференциации предмета доказывания, необходимости его видового расширения находимся на позиции ее сторонников. И одним из дополнительных аргументов в поддержку этой позиции рассматриваем масштабную дифференциацию процессуальной формы отдельных стадий уголовного судопроизводства. Например, предварительное расследование имеет две

¹ Ульянова Л.Т. Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России: учеб. пособие. М.: Городец, 2008. С. 48–49.

² Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 15 ноября 2021 г. по делу № 22-7911/2021 о продлении срока меры пресечения.

формы – предварительное следствие и дознание. Дознание в свою очередь разграничивается на общее и сокращенное. При этом сокращенный вид дознания получил видоизмененную совокупность обстоятельств подлежащих доказыванию.

На наш взгляд, дифференциация процессуальной формы логическим своим продолжением должна иметь и вариативность совокупности подлежащих доказыванию обстоятельств.

Список использованной литературы:

1. Архипкин И.В., Корнакова С.В. Актуальные проблемы доказательственной деятельности защитника в уголовном процессе. *Адвокатская практика*. 2024;(1):11–15.
2. Виноградов В.А. Распределение бремени доказывания при осуществлении судопроизводства по уголовным делам частного обвинения: белые пятна отечественного законодательства. *Российская юстиция*. 2020;(3):59–60.
3. Гаврилов Е.В. Защита деловой репутации «Рыжего кота». Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 24 ноября 2021 г. № 305-ЭС21-14231. *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2022;(2):5–16.
4. Зубенко С.В., Колдин В.Я., Ниесов В.А. Формирование правового режима информации процессуального доказывания. *Российское правосудие*. 2009;(42(10)):77–83.
5. Кисленко С.Л. Оптимизация доказательственной деятельности государственного обвинителя в процессе судебного разбирательства уголовных дел. *Законность*. 2023;(6):36–41.
6. Комбарова Е.Л. Особенности доказательственной деятельности, осуществляемой судом в процессе предварительного слушания уголовных дел. *Судебная власть и уголовный процесс*. 2016;(1):143–151.
7. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат; 1975.
8. Леонтьев А.Н. Проблемы деятельности в психологии. *Вопросы философии*. 1972;(9):95–108.
9. Лунева А.В., Клименко А.К. Алгоритм действий следователей на стадии предварительного расследования уголовного дела о хищении, совершенном бесконтактным способом, путем использования дистанционного банковского обслуживания. *Российский следователь*. 2021;(11):34–37. DOI: 10.18572/1812-3783-2021-11-34-37.
10. Львовская А.Н. Деятельностный подход как ориентир современного образования. *Молодежь в науке: Новые аргументы: IV Международный молодежный сборник научных статей / отв. ред. А.В. Горбенко*. Т. 2. Липецк: Научное партнерство «Аргумент»; 2019.
11. Медведев А.М., Жуланова И.В. Деятельностный подход как ориентир современного образования: исходное содержание и риски редукции. *Мир науки. Педагогика и психология*. 2021;(9(2)). (Электронное издание).
12. Мингалимова М.Ф. Конфискация транспортных средств, являющихся частью наследственного имущества. *Российский судья*. 2024;(4):19–23. DOI: 10.18572/1812-3791-2024-4-19-23.
13. Погосян Е.В. Доказательства и доказывание в нотариальном процессе: монография. М.: Статут; 2023.
14. Решетникова И.В. Размышления о судопроизводстве: избранное: сборник научных трудов. М.: Статут; 2019.
15. Тарасов А.А. Рациональное и иррациональное в дискуссиях о развитии российского уголовного процесса. *Журнал российского права*. 2023;(3):100–112.
16. Терехова Л.А. Специальные знания в доказательственной деятельности. *Вестник Омского университета. Серия «Право»*. 2014;(41(4)):136–140.
17. Хромов Е.В. Проблемы установления причинной связи в преступлениях, предусмотренных ст. 124 УК РФ. *Уголовное право*. 2024;(1):51–67.
18. Чебуренков А.А. Особенности предмета доказывания по делам о преступлениях, связанных с посягательствами на половую свободу личности. *Российский судья*. 2021;(8):37–42. DOI: 10.18572/1812-3791-2021-8-37-42.
19. Шатайлюк Е.Е. Проблема предмета доказывания в контексте высокодоходных преступлений: сравнительно-правовой аспект и историческая ретроспектива. *Мировой судья*. 2024;(5):9–15. DOI: 10.18572/2072-4152-2024-5-9-15.
20. Шубина И.В. Понятия «Деятельность», «Деятельностный подход» в отечественной науке. *Социально-гуманитарные знания*. 2014;(6):313–327.
21. Gulchehra T. The importance of the participation of a lawyer with the judiciary and law enforcement in criminal proceedings. *European Journal of Molecular and Clinical Medicine*. 2020;(7(2)):2169–2173.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Никитин Виктор Игоревич

старший следователь следственного отдела по Центральному району г. Симферополя Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Крым и г. Севастополю, старший лейтенант юстиции

Оригинальная статья

<https://doi.org/10.31429/20785836-17-3-59-63>

АНАЛИЗ МЕТОДОВ ЭКСПЕРТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ

Пономарев В.Е.*, Завьялов В.А.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Пономарев В.Е., Завьялов В.А. Анализ методов экспертного исследования цифровых изображений. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2025;17(3):59–63. <https://doi.org/10.31429/20785836-17-3-59-63>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Пономарев Виталий Евгеньевич*, старший преподаватель кафедры криминалистики и правовой информатики ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (918) 682-17-75

E-mail: 9529788272@mail.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 11.08.2025

Статья принята к печати: 10.09.2025

Дата публикации: 29.09.2025

Аннотация: В данной статье авторами поднимается проблема, связанная с судебно-экспертным исследованием цифровых изображений.

Целью статьи является разработка криминалистических рекомендаций исследования цифровых изображений, отображающих современное состояние техники.

Для достижения указанной цели необходимо разрешить следующие *задачи*: дать определение цифровому изображению; изучить действующие методы судебной фототехнической экспертизы; дать определение метаданным и установить их содержание; исследовать признаков подделки цифровых изображений; изучить возможностей компьютерных программ в исследовании цифровых изображений, их адаптация для судебного исследования указанных объектов.

В ходе подготовки настоящего исследования использованы следующие *методы* научного познания: всеобщий диалектический метод познания явлений и процессов. Также применялся комплекс общенаучных (системный, структурно-функциональный, формально-логический, анализа, синтеза, дедукции, индукции, исторический и др.), частнонаучных (социологический, документальный и др.) и частноправовых (формально-юридический, политико-правовой, сравнительно-исторический, правовое моделирование и др.) исследовательских методов.

В настоящее время цифровые изображения все чаще и чаще используются в судебном доказывании, однако, в науке и практике отсутствуют методы, в том числе и экспертные, позволяющие проверить достоверность такого рода источников доказательств. В работе исследованы различные методы изучения цифровых изображений, начиная от их визуального осмотра, заканчивая применением различных программных продуктов, что, на взгляд авторов, может плодотворно использоваться в практике при рассмотрении различных категорий дел, обстоятельства, входящие в предмет доказывания по которым, устанавливаются путем исследования цифровых изображений.

Ключевые слова: криминалистика, судебная экспертиза, технико-криминалистическая экспертиза документов, компьютерно-техническая экспертиза, цифровые изображения, цифровые следы.

Введение

Цифровое изображение – файл, хранящийся в электронном виде на электронном носителе информации. Полученные изображения могут храниться на локальных устройствах, передаваться по

линиям связи, свободно размещаться в сети интернет. При общении между собой люди все чаще пользуются электронными средствами связи: электронной почтой, социальными сетями, мессенджерами. Отправляют и получают с их использованием большой объем визуальной информации – изображений.

Сегодня электронные изображения используются, помимо прочего, в качестве доказательств в судах, что в свою очередь требует изучения существующих приемов и методов, которые могли бы подтвердить подлинность изображения.

Изучалась литература, а также существующие программные средства и иные приемы и методы анализа изображений с целью выявления подлинности изображения.

Для целей нашего исследования подготовлена эмпирическая база, в которую включили различные изображения, с внесенными в них изменениями специальными программными средствами. Полученные изображения таким образом изображения исследованы с использованием различных существующих методик исследования цифровых изображений.

Методы исследования

Всеобщий диалектический метод познания явлений и процессов, общенаучные методы: системный, структурно-функциональный, формально-логический, анализа, синтеза, дедукции, индукции, исторический, частнонаучные методы: социологический, документальный, и частноправовые методы: формально-юридический, политико-правовой, сравнительно-исторический, правовое моделирование.

Результаты исследования

Все из описанные ниже методы исследования имеют свои недостатки. Практически все методы анализа изображений могут быть применены только к его оригиналу. Нельзя применять их к распечатанному и отсканированному первоначальному изображению или к снимку экрана, поскольку они уже не являются исходным изображением и соответственно, не несут значимую информацию. Недостаток любых визуальных методов анализа изображения – субъективный взгляд эксперта.

Фактически при редактировании изображения очень сложно учесть все аспекты. Исходя из этого комплексный анализ изображения, учитывающий источник получения файла изображения, визуальное и не визуальное содержание файла и иные следы позволяет с большой вероятностью установить наличие в изображении признаков подделки.

Научная дискуссия

Существующая практика сложилась таким образом: суды сегодня принимают в качестве доказательств копии документов и изображения, что, однако, создает условия для фальсификации представляемых в суд доказательств [2, с. 69]. Применение электронных доказательств весьма ограничено, суды предпочитают работать с распечатанными изображениями, в лучшем случае, заверенным нотариально [3, с. 283]. Существуют предложения признать распечатанные изображения первоначальными доказательствами. Интерес вызывают предложения использовать автоматические методы при анализе изображений, и использовании электронных образов документов [5, с. 305].

Методы, рассмотренные в данной статье применимы к растровым изображениям в форматах, использующих алгоритмы сжатия с потерей качества. В частности, к наиболее используемому и повсеместно распространенному формату файлов изображений, использующем алгоритмы сжатия с потерей качества – JPEG¹.

Сегодня основным методом фототехнической экспертизы изображений остается визуальная оценка [4, с. 282–288]. Главное правило при визуальном анализе изображений – чем лучше качество, тем большее число признаков подделки возможно выявить на изображении. Поиск визуальных признаков исправления изображения базируется на ограниченности методов исправления фотографий, предлагаемых Adobe Photoshop и аналогичными программами, на невнимательности или низкой квалификации лица, выполнившего редактирование, отличиях в качестве исходного и вставляемого в него изображения.

При исследовании изображения визуальным методом могут использоваться различные приемы, предусмотренные возможностями программ для просмотра и редактирования изображений. Что бы заметить инородные участки изображение увеличивается, каждый фрагмент рассматривается отдельно, изменяются настройки яркости, контрастности, насыщенности изображения до экстремальных значений. Любой из способов редактирования изображения может оставлять признаки, сопутствующие измененному изображению.

¹ GIMP-ELA: плагин Error Level Analysis для GIMP: репозиторий исходного кода [сайт]. Github; 2025 [обновлено 10 сентября 2025; процитировано 10 августа 2025]. Доступно: <https://github.com/sentenza/GIMP-ELA>.

Относительно легко выявляются визуальные артефакты в виде повторяющихся клонированных участков изображения. При невнимательной работе может быть убрана какая-то часть исходного изображения или наоборот видны следы подложки, которые были недостаточно качественно удалены. Это может проявляться в наличии на изображении фрагментов инородного происхождения: пятен или контуров.

Наиболее явно на изображении заметны следы вставки другого изображения: плохо вырезанный контур, отличающийся цвет. Обычно, вставленное изображение смотрится чужеродно по отношению к первоначальному изображению. К данной группе признаков можно отнести нарушения размеров, перспективы, положения, наклона, тени и освещения, источников света изображения, которые также могут быть выявлены визуально при осмотре изображения.

Однако, оценка любого цифрового изображения не ограничивается только визуальными данными. Дополнительно могут быть исследованы многие другие аспекты: метаданные, источник откуда было получено изображение, имя файла, структура и параметры сжатия полученного изображения.

Метаданные – дополнительная информация, добавляемая к изображению, содержащая данные об условиях и способах получения файла, оборудовании с использованием которого было получено изображение, авторство и, даже, координаты места, где было сделано изображение. Существуют различные стандарты сохранения метаданных, такие как EXIF, XMP, IPTC и другие, однако необходимо отметить, что любой из указанных форматов никак не защищен и может быть легко изменен, что лишает метаданные идентификационного значения. Метаданные по сути представляют собой простой текст, в электронной форме и легко могут быть удалены, изменены или скопированы.

Можно выявить не соответствие внутреннего (информация, прикрепленная к файлу и структура файла) и внешнего содержания (информация о изображении, полученная из других источников). Анализ метаданных изображения базируется на поиске несоответствий, ошибок подобного рода. Отсутствие всех метаданных или их части, которая должна присутствовать, может говорить о наличии в изображении несанкционированных изменений или о попытке сокрыть присутствие таких изменений. Однако, это утверждение не всегда справедливо, поскольку, например, пересылка изображения через социальную сеть и повторное сохранение уничтожает метаданные.

В связи с этим важный признак изображения – это источник его происхождения. Данные о источнике позволяют судить о том с использованием какого аппаратно-программного комплекса (цифровая фотокамера или сканер) или программного обеспечения (текст, сохраненный в формате изображения или снимки экрана – скриншоты, результат работы иных программ) было получено или изменено изображение. Программное обеспечение, с помощью которого были внесены изменения и был сохранен файл, например, Adobe Photoshop записывается в метаданных [6, с. 245].

Следы программного редактирования могут остаться в контейнере изображения и они типичны для конкретного программного изображения: названия тегов, заголовки файлов [1, с. 8]. Поэтому, не только запись, сделанная в метаданных, позволяет судить о источнике изображения. При создании изображения камерой или сканером, создании, изменении или сохранении изображения любой программой, в частности при отправке и получении изображения через мессенджер или социальную сеть оно обрабатывается алгоритмом сжатия. При этом каждая социальная сеть или приложение использует свои параметры сжатия при сохранении изображения.

В этом легко убедиться отправив одно и тоже исходное изображение размером 4,19 MB и разрешением 4000x3000 с использованием разных интернет-ресурсов. Для Telegram мы получаем 89,5 KB и разрешение 1280x960, для Vk и WhatsUp получаем разрешение 1600x1200, но разный размер 381 KB и 127 KB соответственно. Это лишь косвенные данные, грубо указывающие на присутствие отличий.

Анализировать изображения вручную достаточно трудоёмкая задача, для более детального изучения существует специальное программное обеспечение: JPEGsnoop¹ – бесплатная утилита, которая извлекает и отображает множество параметров изображения. Анализируя данные, программа создает «подпись сжатия» – совокупность параметров сжатия изображения. У изображений, созданных одним и тем же программным обеспечением, подпись сжатия будет совпадать. Программа содержит базу «подписей сжатия» для многих популярных программ и устройств, которую также можно пополнять.

¹ ImpulseAdventure. JPEGsnoop: репозиторий исходного кода [сайт]. Github; 2025 [обновлено 10 сентября 2025; процитировано 10 августа 2025]. Доступно: <https://github.com/ImpulseAdventure/JPEGsnoop>.

Таким образом, используя данные о структуре полученного файла, по косвенным признакам содержащихся в метаданных, названию файла и его структуре можно определить пересылался ли данный файл с использованием социальных сетей или мессенджеров, сохранялся ли он устройством или программой, а также по данным о параметрах использованного сжатия установить конкретное устройство.

Способ сжатия далеко не единственный признак, существуют и другие косвенные данные. Так, определенные марки цифровых камер или сканеров используют конкретные цветовые модели, которые могут быть изменены при редактировании изображения. Среди иных свойств, позволяющих ассоциировать изображение с конкретным устройством, можно назвать настройки, содержащиеся в устройстве и используемые для формирования изображения – таблицы Хаффмана, размер изображения, таблицы квантования, способ задания метаданных. Таблицы Хаффмана и таблицы квантования задаются для каждого устройства производителями фототехники и их набор характерен для конкретного производителя и модели устройства [7, с. 69–73]. Использование данных таблиц квантования для установления конкретного устройства описано в литературе [8].

Большой интерес представляет использование для анализа цифровых изображений метода, разработанного доктором Нилом Кравец – ELA (Error Level Analysis)¹. Растровое изображение это матрица пикселей, каждому из которых задан свой цвет, имеющий числовое выражение. Поскольку изображение в таком формате занимает много места, то его неудобно и нецелесообразно хранить и передавать в «сыром» виде. Для оптимизации размера изображения используются различные алгоритмы сжатия изображений: сжатие без потерь качества и сжатие, ухудшающее параметры итогового изображения. Сегодня наиболее часто используемый и передаваемый в интернете формат файла изображения с потерей качества – JPEG.

Когда изображение в формате JPEG редактируется и снова сохраняется, оно сжимается заново, теряя часть качества (данных о цвете) при повторном сохранении. Скопированный извне образец изображения создает ситуацию, когда на одном и том же изображении присутствуют участки, которые были сохранены не одинаковое число раз. Например, исходная фотография сохранялась три раза, а вставленный фрагмент всего лишь один раз. Таким образом, оценив уровень ошибок, содержащихся в изображении, можно увидеть слои правок и те изменения, которые были внесены в изображение. Что важно при этом можно определить конкретные фрагменты изображения, которые были подвергнуты редактированию. Для выявления измененного изображения методом ELA используются специальные программные продукты, например, реализованные в виде сайта².

Для выявления изменений изображения можно использовать метод и программные решения для анализа уровня цифрового шума изображений³. Цифровой шум – это случайные изменения яркости или цвета отдельных пикселей изображения [8], обычно появляется в следствии технических недостатков устройств съёмки – сканеров или цифровых фотокамер. Наличие шума свидетельствует о аппаратном происхождении изображения.

Визуально увидеть шум бывает сложно, метод анализа шума базируется на обратном фильтре шумов, который удаляет все части изображения, кроме шума⁴. При редактировании изображения часть шумов теряется, создавая «идеальные» участки изображения, которые после применения фильтра выглядят как темные области. Данный метод позволяет выявить те изменения, которые невозможно заметить с использованием других методов.

Список использованной литературы:

1. Гераськин А.С., Желтов С.Ю. Анализ методов проверки фотоизображений на наличие внесённых изменений. *Информационная безопасность регионов*. 2016;(25(4)):5–10.
2. Казакова А.В. Является ли копия документа доказательством в российском уголовном процессе? *Российское право: образование, практика, наука*. 2021;(4):64–71.
3. Кочеткова Е.А. Об использовании электронных доказательств в гражданском процессе. *Вестник ВГУ. Серия: Право*. 2020;(42(3)):280–283.

¹ JPEG [сайт]. Википедия: свободная энциклопедия; 2025 [обновлено 10 сентября 2025; процитировано 10 августа 2025]. Доступно: <https://ru.wikipedia.org/wiki/JPEG>.

² GIMP-ELA: плагин Error Level Analysis для GIMP: репозиторий исходного кода [сайт]. Github; 2025 [обновлено 10 сентября 2025; процитировано 10 августа 2025]. Доступно: <https://github.com/sentenza/GIMP-ELA>.

³ Noise Analysis: Forensics tools/Photo-forensics [сайт]. 29a.ch; 2025 [обновлено 10 сентября 2025; процитировано 10 августа 2025]. Доступно: <https://29a.ch/photo-forensics/#noise-analysis>.

⁴ Там же.

4. Малюка А.А. Особенности исследования цифровых фотографических изображений как объектов судебной фототехнической экспертизы. *Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки*. 2013;(4–2):282–288.
5. Серова А.И., Спивак А.И. Использование методов машинного обучения для определения нарушений целостности JPEG-изображений. *Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики*. 2018;(2):299–306.
6. Смирнов К.О. Исследование цифровых изображений с помощью Exif-стандарта. *Интерактивная наука*. 2017;(12):243–246.
7. Хатунцев Н.А., Лизоркин А.М. Метод доказывания неизменности фотоизображений в рамках компьютерно-технической экспертизы (на примере из экспертной практики). *Теория и практика судебной экспертизы*. 2014;(35(3)):69–73.
8. Hany Farid. Digital Image Ballistics from JPEG Quantization: A Followup Study. Computer Science Technical Report TR2008-638. Dartmouth; 2008. [сайт]. Digital Commons; 2025 [обновлено 12 января 2008; процитировано 10 августа 2025]. Доступно: https://digitalcommons.dartmouth.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1322&context=cs_tr.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Пономарев Виталий Евгеньевич

старший преподаватель кафедры криминалистики и правовой информатики ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

ORCID: 0000-0002-1613-5749

AuthorID: 1271771

SPIN-код: 7764-6343

Завьялов Владимир Александрович

кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики и правовой информатики ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

ORCID: 0000-0002-0054-7087

AuthorID: 1011348

SPIN-код: 2268-2677

Оригинальная статья

<https://doi.org/10.31429/20785836-17-3-64-68>

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПОСРЕДНИКОВ ЗА УЧАСТИЕ В ОБОРОТЕ ПОРНОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ИЛИ ПРЕДМЕТОВ

Фонштейн А.И.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Фонштейн А.И. Уголовная ответственность информационных посредников за участие в обороте порнографических материалов или предметов. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2025;17(3):64–68. <https://doi.org/10.31429/20785836-17-3-64-68>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Фонштейн Анна Игоревна, преподаватель кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (918) 925-93-00

E-mail: anya.litovchenko.00@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 14.08.2025

Статья принята к печати: 13.09.2025

Дата публикации: 29.09.2025

Аннотация: В условиях стремительного развития технологий и расширения возможностей распространения информации в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе сети Интернет, особую тревогу вызывает онлайн-оборот порнографических материалов. При этом существующая правовая регламентация ответственности за подобные деяния ограничивается только прямыми распространителями, не затрагивая администраторов или владельцев ресурсов – информационных посредников, которые обязаны следить за публикуемой на платформах информацией.

Целью исследования стал комплексный анализ проблем привлечения к уголовной ответственности информационных посредников за распространение порнографических материалов на онлайн-платформах и разработка предложений по совершенствованию правового регулирования в данной сфере, разрешение которой предполагает решение следующих *задач*: проанализировать существующие проблемы, исследовать судебную практику и зарубежный опыт регулирования для выявления наиболее эффективных правовых механизмов; разработать предложения по совершенствованию уголовного законодательства в части установления ответственности для администраторов и владельцев сайтов за распространение порнографических материалов.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные и частно-научные методы познания, включая анализ, синтез, формально-логический, сравнительно-правовой и системный методы.

Результаты исследования. Выявлена тенденция судебной квалификации действий информационных посредников, способствующих обороту порнографических материалов или предметов, по ч. 5 ст. 33 УК РФ и ст.ст. 242, 242¹ УК РФ, через институт пособничества, при этом с учетом анализа зарубежного законодательства, отмечено, что некоторые страны предусматривают отдельные нормы, запрещающие аналогичную деятельность. Предложено внесение в УК РФ изменений.

Выводы исследования. Современное состояние правового регулирования деятельности по администрированию и владению сайтами, на которых размещаются порнографические материалы и предметы, характеризуется наличием определенных пробелов и противоречий. Нормы уголовного

законодательства требуют введение уголовной ответственности для владельцев и администраторов онлайн-платформ, игнорирующих размещение запрещенного контента или самостоятельно участвующих в его обращении, а процесс квалификации – уточнения в части определения критериев ответственности информационных посредников по аналогии с зарубежными примерами.

Ключевые слова: порнографический материал или предмет; информационно-телекоммуникационные сети, в том числе сеть Интернет; администратор и владелец онлайн-платформ; уголовная ответственность; распространение; информационный посредник.

Введение

В современном обществе, основанном на главенстве информации и возможностях быстрого обмена данными, одним из наиболее удобных инструментов распространения контента выступают информационно-телекоммуникационные платформы – сайты, представляющие массивы связанных данных с уникальным сетевым адресом. Поскольку Интернет и иные сети стали частью обыденной для любого индивида среды, проникнув во все сферы жизнедеятельности общества, также расширилась и роль информационных посредников, которые являются специальными субъектами информационно-телекоммуникационных отношений, обеспечивая доступ, размещая, передавая и индексируя контент, созданный третьими лицами, или предоставляя онлайн-услуги для надлежащего функционирования технической инфраструктуры. Именно они обеспечивают быструю и дешевую связь, иные инновации повышенной производительности, в том числе стимулируя распространение одного из «побочных эффектов» цифровых технологий – незаконного контента, в частности порнографических материалов и предметов.

Несмотря на установленные законодательные запреты и постоянную работу государственных органов по удалению информации, за распространение которой предусмотрена ответственность, порнографические материалы и предметы, в том числе с изображением несовершеннолетних, все еще являются массовым явлением на Интернет-площадках. Указанное вызывает вопросы о возможности привлечения к уголовной ответственности не только пользователей, но и администраторов или владельцев таких платформ, игнорирующих размещение запрещенного контента или самостоятельно участвующих в его обращении.

Методы исследования

Методологическая основа исследования построена на комплексном применении диалектического метода, позволяющего рассмотреть вопросы введения уголовной ответственности информационных посредников за оборот порнографии; общенаучных (анализа и синтеза, индукции и дедукции) и частно-научных методов (сравнительно-правового, формально-юридического и контент-анализа).

Результаты исследования

Модерирование и регулирование платформ без прямого участия в распространении запрещенной информации в настоящее время квалифицируется по ч. 5 ст. 33 УК РФ и (или) ст.ст. 242, 242¹ УК РФ. Разрешается вопрос о квалификации благодаря применению института пособничества, что, с позиции автора, требует пересмотра с учетом изменения уголовно-правовых норм путем имплементации в УК РФ статьи, направленной на запрет создания, ведения и (или) наполнения информационных ресурсов запрещенной к распространению информации, в том числе порнографических материалов или предметов.

Научная дискуссия

В соответствии с положениями п. «б» ч. 3 ст. 242 УК РФ и п. «г» ч. 2 ст. 242¹ УК РФ к уголовной ответственности, по общему правилу, привлекаются лица, осуществляющие с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, действия, непосредственно связанные с оборотом порнографии, в том числе детской. К ним относятся по большей части поступки пользователей соцсетей и иных ресурсов, где лица могут взаимодействовать друг с другом путем обмена информацией [3, с. 38].

Однако именно информационные посредники предоставляют возможности для передачи и размещения незаконных материалов, проведения прямых трансляций, а также доступа к ним, реализуя тем самым преступные действия пользователей. Выступая в роли связующего звена, администраторы или владельцы сайтов не во всех случаях имеют возможность контроля за действиями пользователей, ввиду анализа огромных массивов информации, введения инструментов автоматической проверки и иных сложностей [4, с. 64], в связи с чем возникает резонный вопрос об определении их роли в обороте порнографии, и, как следствие, несении ими ответственности.

Одной из разновидностей информационных посредников выступают владельцы сайтов в сети Интернет, которые в соответствии с Федеральным законом «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹ самостоятельно и по своему усмотрению определяют порядок использования онлайн-платформ, в том числе в вопросах размещения информации, и могут являться как юридическими, так и физическими лицами [7, с. 184], что для последних может быть связано с рисками уголовной ответственности по ст.ст. 242, 242¹ УК РФ.

Аналогичного подхода требуют и иные информационные посредники, в частности администраторы сайтов, которые не являются владельцами онлайн-инфраструктур, но при этом плотно взаимодействуют с платформами в процессе мониторинга пользовательского контента, предотвращения нарушений действующего законодательства Российской Федерации [2, с. 68; 6, с. 157].

За нарушение интеллектуальных прав данные субъекты могут понести гражданско-правовую ответственность в соответствии с положениями ст. 1253.1 ГК РФ в ситуациях, когда они являются инициаторами передачи и определяют получателя материала, изменяют указанный материал или знают (должны знать) о неправомерности передачи [1, с. 89; 5, с. 75].

В рамках применения норм УК РФ данные факторы также имеют решающее значение. Проблема установления направленности умысла при квалификации создает существенные трудности в определении границ соучастия и попустительства, что, в свою очередь, препятствует адекватной персонификации уголовной ответственности администраторов и владельцев Интернет-ресурсов.

Например, исходя из судебной практики, владельцы или администраторы сайтов, курирующие произведенный пользователями платформы контент, желающие или допускающие возможность распространения, рекламирования или публичной демонстрации порнографических материалов или предметов, привлекаются к уголовной ответственности как пособники преступления².

Квалифицируется деятельность по обеспечению размещения пользователями материалов, в случаях, когда администраторы или владельцы сайтов в информационно-телекоммуникационных сетях знают о преступном характере их оборота, путем включения в квалификационную формулу указания на ч. 5 ст. 33 УК РФ. В случае совершения посетителями ресурсов любого из деяний, перечисленных в ст.ст. 242, 242¹ УК РФ, к ответственности может быть привлечен и информационный посредник, способствовавший совершению преступления.

При этом, с учетом главенствующего значения администраторов и владельцев сайтов в процессе оборота порнографии, видится верной необходимость изменения подхода к оценке их действий. Настоящая тенденция не отвечает направленности действующего уголовного законодательства в части противодействия порнографии и требует переоценки на основе имплементации или простого учета положений зарубежного законодательства, разрешившего указанную проблему.

К примеру, в штатах Квисленд³ и Виктория⁴, то есть лишь в части Австралийского союза, криминализована деятельность администраторов веб-сайтов по предоставлению вычислительных мощностей для размещения и распространения детской порнографии [10, с. 7], а в Королевстве Бутан

¹ Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Приговор Нагатинского районного суда г. Москвы от 29.03.2017 по уголовному делу № 1-149/2017 (вступил в законную силу 11.04.2017) [сайт]. Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы; 2025 [обновлено 29 марта 2017; процитировано 13 августа 2025]. Доступно: <https://mosgorsud.ru/rs/nagatinskij/services/cases/criminal/details/41e48235-f805-4db3-af4a-a6fc80251bb7?caseNumber=1-149/2017>; Приговор Благовещенского городского суда Амурской области от 07.10.2024 г. по уголовному делу № 1-1091/2024 (вступил в законную силу 22.10.2024) [сайт]. ГАС РФ «Правосудие»; 2025 [обновлено 07 октября 2024; процитировано 13 августа 2025]. Доступно: https://blag-gs--amr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=r&srv_num=1&token=judicial_uid&case__judicial_uidss=28RS0004-01-2024-008963-71&_ord=asc.

³ Закон об уголовном кодексе штата Квинсленд 1899 г. [сайт]. Сайт законодательства Квинсленда; 2025 [обновлено 13 августа 2025; процитировано 13 августа 2025]. Доступно: <https://www.legislation.qld.gov.au/view/whole/html/inforce/current/act-1899-009> (дата обращения: 13.08.2025).

⁴ Закон о преступлениях штата Виктория 1958 г. [сайт]. Викторианское законодательство; 2025 [обновлено 13 августа 2025; процитировано 13 августа 2025]. Доступно: <https://content.legislation.vic.gov.au/sites/default/files/2025-02/58-6231aa307-authorised.pdf>.

введена ответственность за умышленное выполнение поставщиками интернет-услуг функций хоста порнографии или канала для ее передачи отдельным пользователям¹.

В процессе уголовно-правовой квалификации противоправных деяний, связанных с распространением запрещенной информации в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет, критически важным представляется проведение отграничения между различными формами участия информационных посредников в данном процессе на основе их субъективного отношения к содеянному.

Субъективная сторона преступлений, предусмотренных ст.ст. 242, 242¹ УК РФ, строится на основе вины, и в названных деяниях может возникнуть только вина в форме прямого умысла, что подтверждается теоретическим тезисом об отсутствии альтернативы указанному виду умысла при совершении преступления с формальным составом [9, с. 52].

В момент совершения субъект должен осознавать общественно-опасный характер своего действия (бездействия) и желать наступления общественно опасных последствий², а значит установление слабой защиты от запрещенной информации, отсутствие постоянной или автоматической модерации сайта или несовершенство алгоритмов рекомендательных технологий не могут стать основанием привлечения владельцев ресурса к ответственности по неосторожности или даже при наличии косвенного умысла [8, с. 14].

Из указанного следует, что для верной квалификации деяния необходимо четко разграничивать предоставление возможности размещать на конкретном сайте запрещенную законом информацию, ее продвижение самим владельцем и те же действия, произведенные минуя воли информационного посредника (путем обхода встроенных алгоритмов защиты от вредоносного контента).

Существующая редакция уголовно-правовых норм не позволяет в полной мере обеспечить надлежащую правовую регламентацию ответственности за различные формы содействия совершению преступлений в цифровой среде, что обуславливает необходимость установления общих критериев виновности информационных посредников и, как следствие, совершенствования соответствующих правовых механизмов.

К общим критериям виновности информационных посредников можно отнести:

- 1) инициативу в процессе передачи материала и самостоятельное определение адресата, которому данный материал направляется (например, путем предложения в ленте новостей конкретным пользователям –рекламирования, криминализованного ст.ст. 242, 242¹ УК РФ);
- 2) модификацию передаваемого материала в процессе предоставления услуг связи, не обусловленную необходимостью технического обеспечения процесса передачи;
- 3) содействие в распространении запрещенной информации посредством ее активного продвижения владельцем или администратором площадки;
- 4) обладание информацией о незаконности распространения, рекламирования, публичной демонстрации, в том числе среди несовершеннолетних, передаваемого материала или необходимость осознания противоправного характера действий лица, инициировавшего такую передачу.

О наличии указанных факторов могут свидетельствовать, к примеру, жалобы пользователей, которые игнорируются модераторами, получение дохода от функционирования сайта и за просмотр размещенной на нем рекламы, а также указание в описании платформы на тематические особенности публикуемого контента.

Установление данных признаков субъективной роли информационных посредников в реализации оборота порнографии позволяет сделать вывод о необходимости внесения в УК РФ изменений, направленных на установление уголовной ответственности за создание, ведение и (или) наполнение информационных ресурсов в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе сети Интернет, запрещенной к распространению в России информации, в том числе порнографических материалов или предметов.

Несанкционированное же размещение вредоносного контента путем обхода встроенных механизмов защиты, а также их своевременное удаление после обнаружения, реализация технических механизмов блокировки, внедрение алгоритмов защиты от вредоносного содержимого, а также обращение в уполномоченные государственные органы должны исключать наступление уголовной

¹ Уголовный кодекс Королевства Бутан от 1 января 2004 г. [сайт]. Сайт Генеральной прокуратуры Бутана; 2025 [обновлено 19 августа 2025; процитировано 19 августа 2025]. Доступно: <https://oag.gov.bt/wp-content/uploads/2010/05/Penal-Code-of-Bhutan-2004Dzongkha-version.pdf>.

² Российское уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / под ред. В.П. Коняхина и М.Л. Прохоровой. М.: «КОНТРАКТ», 2014. С. 219.

ответственности для информационных посредников. Такая позиция станет проявлением принципов справедливости уголовного закона и обоснованности уголовного преследования.

В условиях современного цифрового пространства деятельность по обеспечению функционирования онлайн-ресурсов, осуществляемая с осознанием их противоправного использования, требует специальной уголовно-правовой оценки. Предоставление технических возможностей для работы веб-платформ, когда их владельцы или администраторы достоверно осведомлены о применении данных ресурсов в целях совершения уголовно-наказуемых деяний, должно рассматриваться как самостоятельное преступление.

Список использованной литературы:

1. Али М.З. Администратор домена или редакция СМИ: кто должен нести ответственность? *Журнал Суда по интеллектуальным правам*. 2016;(13):88–90.
2. Али М.З. Ответственность владельца интернет-сайта как информационного посредника. Право и информация: вопросы теории и практики: *сборник материалов международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 15 апреля 2016 г. ФГБУ «Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина»)*. СПб.; 2017.
3. Белецкий И.А., Карпов К.Н. Уголовно-правовая оценка незаконного оборота порнографических материалов с использованием сети Интернет. *Вестник БелЮИ МВД России*. 2023;(1):36–41.
4. Грязева М.А. Ответственность информационных посредников за нарушение интеллектуальных прав в сети «Интернет». *Вопросы российской юстиции*. 2023;(26):64–71.
5. Осьмакова А.В., Копьев А.В. Особенности ответственности информационного посредника. *Тенденции развития науки и образования*. 2022;(92–8):74–76. DOI: 10.18411/trnio-12-2022-378.
6. Сайгитмагомедова Х.С. Особенности определения понятия «информационный посредник» в российском законодательстве. *Закон и право*. 2019;(8):156–157. DOI: 10.24411/2073-3313-2019-10379.
7. Фомина О.Н. Правовой статус информационного посредника. *Вестник гражданского права*. 2019;(19(3)):171–191. DOI: 10.24031/1992-2043-2019-19-3-171-191.
8. Хомяков Е.В. Влияние конкретизированного умысла на квалификацию преступлений. *Российский судья*. 2022;(3):13–15. DOI: 10.18572/1812-3791-2022-3-13-15.
9. Шарапов Р.Д. Умысел при распространении порнографии в сети Интернет. *Уголовное право*. 2024;(9):47–59. DOI: 10.52390/20715870_2024_9_47.
10. Cubitt T., Morgan A. Exposure to and sharing of fringe or radical content online. *Trends & issues in crime and criminal justice*. 2024;(705):1–17.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Фонштейн Анна Игоревна

преподаватель кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»